

Юрий Толстой

ПОРТРЕТЫ ЗАГОВОРИЛИ...

Юрий Толстой

Портреты заговорили...

«Проспект»

Толстой Ю. К.

Портреты заговорили... / Ю. К. Толстой — «Прспект»,

ISBN 978-5-39-213770-1

Автор книги, академик РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, почетный профессор Санкт-Петербургского государственного университета Юрий (Георгий) Кириллович Толстой рассказывает о многих видных ученых-юристах, с которыми на протяжении десятилетий сводила его судьба. Книга привлечет внимание всех, кто интересуется историей юридической науки и образования, в том числе тех, кто избрал или готов избрать нелегкую профессию юриста.

ISBN 978-5-39-213770-1

© Толстой Ю. К.

© Прспект

Содержание

Портреты заговорили...	6
К ЧИТАТЕЛЯМ	7
РАЗДЕЛ I. ИЗ ИСТОРИИ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ И ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ	8
ЖУРНАЛУ «ПРАВОВЕДЕНИЕ» – 40 ЛЕТ 1	8
50-ЛЕТИЕ «ПРАВОВЕДЕНИЯ» 2	12
РАЗВИТИЕ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В ЛЕНИНГРАДСКОМ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ) УНИВЕРСИТЕТЕ (1944–1994 гг.) 5	16
О ПРЕПОДАВАНИИ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ 7	22
РАЗДЕЛ II. MEMORIAE	26
АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ВЕНЕДИКТОВ (1887–1959) 8	26
КОНЦЕПЦИЯ А. В. ВЕНЕДИКТОВА О ПРАВЕ СОБСТВЕННОСТИ И СОВРЕМЕННОСТЬ 23	35
К ИЗУЧЕНИЮ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ 41	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Ю. К. Толстой ПОРТРЕТЫ ЗАГОВОРИЛИ...

[битая ссылка] ebooks@prospekt.org

Портреты заговорили...

К ЧИТАТЕЛЯМ

По мере приближения к финишной ленточке все острее осознаешь, как стремителен бег времени. Круг лиц, с которыми общался долгие годы, катастрофически редее. Скоро не останется никого, кто смог бы рассказать потомкам о неповторимой эпохе, в которой нам выпало жить, о людях, с которыми трудились бок о бок. Быть может, этот бесхитростный рассказ позволит избежать ошибок, которых на нашем счету немало, и вместе с тем закалит представителей следующих за нами поколений в борьбе с трудностями. Предлагаемая читателям книга собиралась не один десяток лет. Она состоит из портретов ученых, государственных и общественных деятелей, с которыми меня сводила судьба. Одни из них были моими учителями, которым обязан по гроб жизни. Других довелось пестовать мне. Следуя примеру моих учителей и наставников, стремился привить им начала добра и справедливости, любовь к Родине и чувство долга.

Название книги навеяно вышедшей много лет назад под тем же названием книгой Н. А. Раевского (см.: *Раевский Н. А. Портреты заговорили*. Алма-Ата, 1974). Она посвящена последнему периоду жизни А. С. Пушкина, закончившейся трагической дуэлью. В свое время книга произвела на меня сильное впечатление, поскольку ознаменовала прорыв в пушкиноведении, которое в течение многих лет, особенно в дни столетия со дня гибели Пушкина, наводило на поэта, доставлявшего немало хлопот двум государям, хрестоматийный глянec, лишало его плоти и крови.

Несколько слов о построении книги. Рассказ об ученом обычно открывается очерком о его жизни и деятельности, иногда кратким, а то и более пространным. Очерк либо посвящен памяти ученого, либо приурочен к какой-либо юбилейной дате. Случается, что впервые он опубликован при жизни ученого, а ныне, как это ни прискорбно, его жизненный путь завершен. В ряде случаев вслед за памятным очерком публикуются посвященные ученому статьи, другие материалы, в которых раскрыты различные стороны его жизни и творчества.

Воспоминания о С. М. Корнееве, В. А. Дозорцеве, М. И. Пискотине, а также Б. Б. Черепашине и О. С. Иоффе опубликованы в книге «Из пережитого» (см.: *Толстой Ю. К. Из пережитого*. 2-е изд., доп. М., 2013).

Там же можно почерпнуть сведения о жизни и творчестве А. В. Венедиктова, не охватываемые книгой «Портреты заговорили...».

С момента первоначального опубликования материалов, составивших содержание книги, прошло немало времени. Нельзя сказать, что взгляды на имевшие место события, оценки задействованных в них лиц во всех случаях остались неизменными. Не счел, однако, возможным, с уважением относясь как к памяти усопших, так и к праву на инакомыслие ныне здравствующих, что-либо в этих оценках менять.

Предоставим самим читателям решать, выдержали ли эти оценки испытание временем, как и судить о том, удалось ли воплотить в книге ее замысел.

РАЗДЕЛ I. ИЗ ИСТОРИИ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ И ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ЖУРНАЛУ «ПРАВОВЕДЕНИЕ» – 40 ЛЕТ¹

XX съезд КПСС, как бы его сейчас ни оценивать, положил начало обновлению нашего общества, демократизации государственной и общественной жизни. Под сенью решений съезда в Ленинграде в конце 1957 г. происходило межвузовское научное совещание «Сорок лет Советского государства и права и развитие правовой науки». По существу, это была первая за послевоенные годы столь представительная научно-теоретическая конференция по актуальным проблемам государственно-правовой науки. В работе конференции участвовало немало маститых ученых, которых ныне уже нет в живых. Широко была представлена и молодая поросль юридической науки. Многие из молодых впоследствии составили себе имя в науке и сами стали мэтрами. В ходе работы конференции не раз ставился вопрос о необходимости учреждения в стране научно-теоретического журнала по вопросам правоведения, страницы которого были бы открыты не только для ученых, сосредоточенных в академических и научно-исследовательских институтах, но и для ученых, представляющих вузовскую науку, в том числе и для сформировавшейся в вузах научной молодежи. Единственный к тому времени издававшийся в стране научно-теоретический журнал по вопросам государства и права – «Советское государство и право» – явно не удовлетворял потребности ни пишущей братии, ни читательской аудитории. Портфель его был забит до отказа на многие годы, и пробиться на страницы журнала научным работникам из провинции, особенно молодым, было далеко не просто.

Проходившая в Ленинграде конференция показала, что вузовская наука в стране за послевоенные годы заметно окрепла и вполне может выступать на равных с признанными научными центрами, расположенными в Москве. Участники конференции были единодушны в том, что новый журнал должен издаваться в Ленинграде. Предпосылки к тому были заложены не только тем, что в Петербурге еще до революции сформировались научные школы, пользовавшиеся мировым признанием, – достаточно назвать имена Л. И. Петражицкого, Н. С. Таганцева, К. П. Победоносцева, М. М. Ковалевского, Ф. Ф. Мартенса и многих других, – но и тем, что развитие государственно-правовой науки не прерывалось в Ленинграде и в послеоктябрьский период, несмотря на тяжелые потери, понесенные ею в годы Гражданской войны, ежовщины, да и в послевоенные годы. Так, только в 40—50-е годы были опубликованы фундаментальные труды А. В. Венедиктова, В. К. Райхера, Е. А. Флейшиц, С. И. Аскназия, М. Д. Шаргородского, О. С. Иоффе и других ученых. В 1957 г. вышел в свет двухтомный труд «Сорок лет Советского государства и права», подготовленный ведущими учеными юридического факультета ЛГУ, представлявшими все его кафедры. На юридическом факультете Ленинградского университета было защищено немало диссертаций, оказавших благотворное влияние как на развитие самой науки, так и на практику государственно-правового строительства. Словом, все предпосылки для издания вузовского научно-теоретического журнала в области правоведения именно в Ленинграде были налицо. Однако рекомендации на сей счет, принятые межвузовским совещанием, нужно было воплотить в жизнь. Иными словами, нужно было получить «добро» на Старой площади, как в то время нередко называли всесильный ЦК КПСС, который там располагался. И здесь нельзя не вспомнить добрым словом А. Ф. Шебанова, который кури-

ровал в Минвузе СССР юридические вузы и смог получить разрешение партийных органов на учреждение журнала. Без этого журналу в то время не суждено было бы появиться на свет.

Была образована редколлегия журнала, которую возглавил крупный ученый в области уголовного права и криминологии, социологии, теории и истории права профессор Михаил Давидович Шаргородский. В состав первой редколлегии журнала вошли Н. Г. Александров, Н. С. Алексеев, А. В. Венедиктов, Д. С. Карев, Г. И. Петров, В. А. Познанский, В. Г. Смирнов (заместитель главного редактора), К. С. Юдельсон. Помимо Москвы и Ленинграда в редколлегии были представлены такие научные центры, как Саратов и Свердловск. Впоследствии состав редколлегии неоднократно претерпевал изменения, он был пополнен многими крупными учеными и практиками. Впрочем, иногда изменения в составе редколлегии происходили по обстоятельствам, достаточно далеким от самой науки.

В 1957 г. в свет вышел один номер журнала. Точнее, он вышел в свет в начале 1958 г., но, поскольку решение об учреждении журнала было принято в 1957 г., журнал ведет свое летоисчисление именно с 1957 г. Он стал выходить в серии «Известия высших учебных заведений Министерства высшего образования СССР».

В первом номере журнала опубликована редакционная статья «Наши задачи». Обращаясь к ней спустя 40 лет после опубликования, убеждаешься в том, что она пропитана ароматом той поры, в условиях которой журнал начал издаваться. Иначе в то время и быть не могло. Однако и в ней есть немало положений, которые достаточно актуально звучат и сейчас. Журнал предостерегает против нигилистического отношения к праву, ратует за укрепление законности, которая в то время называлась социалистической, призывает советских юристов активнее влиять на процесс правотворчества, вносить предложения по отмене устаревших норм, мешающих дальнейшему продвижению Советского государства вперед. Журнал обращает внимание на то, что крупные нарушения социалистической законности, явившиеся результатом культа личности, нанесли большой вред Советскому государству. В качестве одной из почетных задач советских юристов журнал называет теоретическую разработку проблем, связанных с укреплением социалистической законности, борьбой с бюрократизмом, волокитой, злоупотреблениями в должностном аппарате, изучение проблем структуры государственного и хозяйственного аппарата. Если учесть, что после того, как эти строки были написаны, нам пришлось под тем или иным «соусом» пережить культ Хрущева и Брежнева, что по сию пору мы на самом высоком уровне принимаем недальновидные, но угодные начальству решения (достаточно напомнить хотя бы развитие событий в Чечне), что коррупция охватила все эшелоны власти и приняла невиданные масштабы, что так называемые демократические реформы проводятся теми же самыми большевистскими методами, какими проводились в свое время национализация и коллективизация, и ведут к унижению и ограблению народа, что некогда могущественная держава распалась, то предостережения журнала «Правоведение», сделанные 40 лет назад, звучат сегодня более чем актуально. В упомянутой редакционной статье есть немало других положений, которые и сейчас могут быть взяты на вооружение.

Поначалу журнал «Правоведение» выходил четыре раза в год, но в дальнейшем его периодичность была увеличена до шести номеров. Росло число подписчиков журнала, что свидетельствует о повышении его авторитета. В отдельные периоды число подписчиков доходило до восьми тысяч. На протяжении всей 40-летней истории журнал широко предоставлял свои страницы молодежи – аспирантам, студентам, молодым преподавателям, начинающим практическим работникам. Многие из них получили путевку в большую жизнь, в том числе и в науку, именно на страницах журнала.

В журнале систематически проводились научные дискуссии по актуальным проблемам развития правовой науки, совершенствования законодательства и правоприменительной практики. Среди них следует особо отметить дискуссию на тему «Объективное и субъективное в праве», в которой приняли участие многие видные ученые.

Значительное внимание журнал уделял и уделяет проблемам совершенствования юридического образования, открыв в этих целях постоянную рубрику.

Одной из важных задач журнала продолжает оставаться поддержание и развитие преемственности в юридической науке. Отечественным юристам, работающим в самых различных уголках нашей многонациональной Родины, не к лицу быть «Иванами, не помнящими родства». В журнале вот уже несколько десятилетий ведется рубрика «Отечественные юристы – ученые и педагоги», в которой без лакировки и прикрас рассказывается о нелегком пути в жизни и в науке наших предшественников как дореволюционного, так и послеоктябрьского периода. Публикуются также труды этих ученых, причем и такие, которые ранее не публиковались и пылились в архивах либо были изрядно забыты.

Провозглашение независимости России и образование на территории ранее единого Советского Союза суверенных государств привело к ослаблению связей юристов, работающих в этих государствах. Одна из задач журнала состоит в том, чтобы на принципиальной основе всячески содействовать развитию и углублению научных и просто человеческих контактов между юристами стран СНГ и других бывших советских республик, взаимному обмену опытом, сближению наших правовых систем с использованием наработок мировой цивилизации. Народы наших стран от этого только выиграют. То же относится и к сотрудничеству российских юристов с юристами других зарубежных государств.

В жизни «Правоведения» были и нелегкие времена. Одно из них приходится на начало 60-х годов, когда хрущевская «оттепель» была поражена заморозками. В 1962 г. на факультете проводилась научная конференция, на которой тон задавали криминалисты. В ней участвовали и некоторые зарубежные коллеги, в их числе – советник тогдашнего Президента США по юридическим вопросам профессор Липсон. М. Д. Шаргородский, который играл на конференции ведущую роль, критиковал Верховный Суд СССР за то, что он вместо того, чтобы неукоснительно применять закон, зачастую становится на путь нормотворчества. Профессор Липсон, выступая в прениях, с удовлетворением отметил сближение позиций американских и советских юристов по идеологическим вопросам. Этого оказалось достаточно, чтобы разразился гром среди ясного неба. Партийные органы признали проведение конференции крупной идеологической ошибкой. М. Д. Шаргородский был снят с поста заведующего кафедрой уголовного права и главного редактора журнала «Правоведение», над факультетом сгустились тучи. Зачастили комиссии, которые искали «идеологическую заразу». Факультет был подвергнут ostracismu, и в течение нескольких лет не могло быть и речи о проведении на факультете каких-либо широкомасштабных мероприятий, в том числе научных конференций.

Преемником М. Д. Шаргородского на посту главного редактора журнала «Правоведение» оказался профессор Н. С. Алексеев, который с достоинством принял на себя эту нелегкую ношу и сумел вывести журнал из-под огня, сохранив его лицо и высокий научно-теоретический уровень. Н. С. Алексеев возглавлял журнал свыше 25 лет, что составляет его несомненную заслугу перед факультетом и юридической наукой в целом. Он сумел привлечь к сотрудничеству в журнале широкие слои ученых, в том числе из закавказских и среднеазиатских республик. Продолжая традиции, заложенные М. Д. Шаргородским, Н. С. Алексеев благодаря своей гибкости и такту находил общий язык и с директивными органами (так называли тогда партийные органы), которые в целом благожелательно относились к журналу.

Обозревая пройденный журналом путь, следует помянуть добрым словом тех, кто занимал должности ответственного секретаря журнала и во многом нес на своих плечах груз черновой работы, связанной с выпуском журнала. Это – А. А. Большаков, Л. Г. Гринберг, Л. И. Антонова, Д. И. Луковская, Г. Я. Панова, С. В. Бахин, А. А. Иванов. Они очень разные люди, но объединяло их ответственное отношение к порученному делу, хотя иногда и приходилось их поправлять. Весомый вклад в становление журнала внес тогдашний заместитель главного редактора В. Г. Смирнов.

Когда Н. С. Алексеев в связи с болезнью был вынужден оставить пост главного редактора журнала, им стал профессор В. С. Прохоров, ныне декан и заведующий кафедрой уголовного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Благодаря этому в руководстве журнала вновь была обеспечена преемственность, что является залогом его дальнейшего успешного функционирования.

Ныне редакционную коллегию журнала возглавляет известный политолог и теоретик права, воспитанник юридического факультета нашего университета И. Ю. Козлихин.

За короткий срок возглавляемая И. Ю. Козлихиным обновленная редколлегия журнала, построенная на принципе сочетания зрелого опыта и смелых дерзаний ученых нескольких поколений, сумела вдохнуть в журнал свежую струю, вывести журнал из того кризисного состояния, в котором он оказался в сложных условиях рыночной экономики, найти новые формы работы, привлечь внимание и интерес к нему широких слоев юридической общественности. Мне, как одному из многолетних членов редколлегии журнала, с которым неразрывно связаны более 25 лет жизни, особенно отрадно это констатировать. Крайне важно, чтобы журнал и впредь никому и ничему не подыгрывал, не подводил теоретические подпорки под выяснение отношений между различными ветвями власти, служил праву и закону, а не непомерным амбициям зарвавшихся политиков, которые менее всего думают об интересах своего народа. Нельзя считать демократическими реформы, которые проводятся за счет ограбления и унижения народа.

Стране нужны подлинные мастера своего дела, чуждые политической трескотни, которые не чураются черновой работы, а, засучив рукава, пытаются вытащить страну из той трясины, в которой она оказалась. Именно воспитанию таких мастеров на ниве юриспруденции и призван содействовать журнал «Правоведение».

Пожелаем же журналу и его обновленному руководству успехов на этом нелегком, но единственно верном и праведном пути!

50-ЛЕТИЕ «ПРАВОВЕДЕНИЯ»²

Моя работа в журнале «Правоведение» в качестве заместителя главного редактора восходит к началу семидесятых годов прошлого века, которые кажутся теперь такими далекими. Рекомендовал меня для этой работы О. С. Иоффе, с которым совместно с Б. Б. Черепахиным мы редактировали первое издание кафедрального учебника по гражданскому праву. Тогдашний главный редактор журнала Н. С. Алексеев с мнением О. С. Иоффе считался, и я был утвержден в должности, на которой проработал свыше двадцати лет. Впоследствии, когда мы не раз схватывались с О. С. Иоффе в нешуточных поединках, он, возможно, и сожалел о данной им рекомендации, но дело было сделано.

Вступил в должность в непростой и для факультета, и для журнала, да и юридической науки в целом период. Факультет едва залечил раны, нанесенные ему в результате злополучной конференции по уголовному праву, которая по нынешним меркам выглядит совершенно безобидной, но в то время была воспринята идеологическими столпами режима чуть ли не как потрясение основ³. К тому же начало семидесятых годов характеризуется заморозками во всех сферах государственной и общественной жизни. О хрущевской оттепели и о косыгинских реформах старались как можно скорее забыть. Произошел откат даже от явно конформистских и половинчатых решений XX съезда партии, который вроде бы осудил культ личности и его последствия.

В этих условиях журнал должен был решать двуединую задачу. С одной стороны, не оказаться в положении телятника, который бодается с дубом, что неминуемо повлекло бы закрытие «Правоведения» и непредсказуемые последствия для тех, кто стоял у его истоков и приложил столько сил, чтобы он уцелел. С другой стороны, журнал должен был сохранить свое лицо, не растерять доверие читателей, ценивших его за ту струю свежего воздуха, которая, несмотря ни на что, прорывалась на его страницах. И здесь нужно отдать должное Н. С. Алексееву, который, особенно в первый период его деятельности, оказался достойным преемником М. Д. Шаргородского на посту главного редактора, сумел вывести «Правоведение» из-под огня, наладил связи с курировавшими журнал партийными органами, причем не только сохранил, но и приумножил его читательскую аудиторию.

М. Д. Шаргородский и Н. С. Алексеев, опираясь на авторитетную редколлегия, которая постоянно обновлялась за счет притока молодых свежих сил из самых различных регионов Советского Союза, всячески стремились расширить географию «Правоведения». В журнале на равных выступали как маститые ученые, государственные и общественные деятели, так и молодежь, которая делала в науке первые, пусть и не всегда уверенные, шаги. В доперестроечный период трудно назвать какой-либо другой юридический журнал, страницы которого были бы так широко открыты для молодежи. Многие из нынешних мэтров признают, что своим становлением как личности они обязаны именно «Правоведению».

Соблюдая принципы коллегиальности в работе, руководители журнала не боялись брать ответственность на себя, а когда их вызывали на ковер, вели себя достойно. Все это постепенно создавало вокруг журнала благоприятную ауру, внушало к нему уважение даже со стороны тех, кто не очень ощущал ветер перемен.

К числу притягательных черт журнала можно отнести организацию в нем широких научных дискуссий, в которых участвовали ученые, представлявшие самые различные направления и школы. «Правоведение» не на словах, а на деле исповедовало девиз: «Все флаги в гости будут к нам», обеспечивая участникам дискуссий равные условия для выражения своих взглядов. Особенно заметный след в развитии науки, причем не только юридической, оставила дискуссия «Объективное и субъективное в праве». Многие взгляды, изложенные в ходе дискуссии,

впоследствии были положены в основу успешно защищенных диссертаций, проросли в монографиях, учебниках, оказали заметное влияние на правотворческую и правоприменительную деятельность. Отнюдь не случайно, что в работах, издаваемых в наши дни, можно найти многочисленные ссылки на статьи, опубликованные в «Правоведении» еще в пятидесятые и последующие годы.

В актив журнала следует занести также тщательную работу с авторами. Каждая рукопись направлялась на рецензию, обычно не единожды. С момента поступления рукописи в редакцию велся строгий ее учет. Без труда можно было установить, у кого из членов редколлегии рукопись в данный момент находится, выдерживаются ли установленные для рецензирования сроки и т. д.

Сами рецензии, как правило, не носили характер отписок, а содержали квалифицированный, пусть и краткий, разбор рукописи с указанием путей ее доводки, если она того заслуживала. Оценочные суждения формулировали достаточно четко, что во многом облегчало решение вопроса о судьбе рукописи. Словом, члены редколлегии (во всяком случае большинство из них) не считали зазорным принимать участие в совершенствовании рукописи, хотя и выполняли свои обязанности на сугубо общественных началах. Но, конечно, основная доля нагрузки падала на рабочий состав – ответственных секретарей и редакторов.

Не могу не вспомнить здесь добрым словом своих товарищей по издательскому цеху – ответственных секретарей А. А. Большакова, Л. Г. Гринберга, Л. И. Антонову, Г. Я. Панову, Д. И. Луковскую, С. В. Бахина, А. А. Иванова, редакторов – И. Ф. Ракитскую, Р. И. Вергасову, Л. Б. Тиунову, С. С. Гречишкина и других. Низкий им поклон за самоотверженный, плохо оплачиваемый труд, который далеко не всегда приносил удовлетворение. Приятно отметить, что многие из них стали впоследствии известными учеными и успешно трудятся как на преподавательском, так и на ином поприще. Думаю, что школа, подчас и суровая, которую они прошли в «Правоведении», в конечном счете пошла им на пользу.

Отмечу также работу заместителя главного редактора Валентина Григорьевича Смирнова, который в годы становления журнала был для М. Д. Шаргородского надежной опорой. Благодаря активной общественной деятельности В. Г. Смирнов имел в партийных и советских органах разносторонние связи. Когда та или иная публикация в журнале вызывала неудовольствие властей предрежащих, В. Г. Смирнов нередко принимал огонь на себя и отводил от журнала беду. Спасибо ему за это!

Стоило бы подчеркнуть, что редакция и редколлегия «Правоведения» крайне ответственно подходили к формированию каждого номера журнала. На заседаниях редколлегии, очень часто выездных, утверждались план текущего номера и планы последующих номеров, причем при их утверждении нередко возникали острые споры. Ни о какой групповщине и тем более тусовочной психологии при этом не могло быть и речи. Диаметрально противоположные суждения высказывали в корректной форме (хотя и не все члены редколлегии жаловали друг друга), причем обычно приходили к консенсусу. Если же его не достигали (что было крайне редко), то изыскивали дополнительные пути для сближения позиций спорящих сторон (направляли рукопись на контрольное рецензирование, предлагали автору внести ряд изменений с учетом цензурных требований и т. д.). Во всяком случае ни один из членов редколлегии, в том числе главный редактор и его заместитель, не помышляли о роли Николая I, который при встрече с опальным поэтом сказал: «Я сам буду твоим цензором». Впрочем, это и невозможно, поскольку среди авторов «Правоведения» не просматривался новый Пушкин. По-видимому, по тем же причинам это невозможно и сейчас.

Отсутствие цензуры, разумеется, не должно влечь всеядности. Журнал призван быть надежным заслоном на пути халтуры, неграмотности, а то и графомании, с которой в последнее время все чаще приходится сталкиваться. Можно лишь приветствовать открытие в журнале специальной рубрики «Диссертации», в которой дается нелицеприятная оценка работ,

выносимых на защиту в качестве докторских или кандидатских диссертаций. Усилия журнала в этом направлении ни в коем случае не должны ослабевать.

В прошлые годы одним из надежных каналов связи журнала с читательской аудиторией были читательские конференции, которые проводились в самых различных регионах Советского Союза. Конференции вызвали широкий общественный резонанс, обзоры о них систематически публиковались в журнале. В последние годы, по-видимому, вследствие трудностей организационного и финансового порядка они не проводятся. А жаль! Конференции с участием членов редколлегии, в том числе и руководивших журналом, поднимали авторитет журнала, способствовали притоку новых подписчиков и читателей.

Выше уже отмечалось, сколь благотворно на положении дел в юридической науке, в области преподавания, в практике государственно-правового строительства сказывались проводимые в журнале широкие дискуссии. Эту практику необходимо возродить. В качестве одной из возможных тем дискуссий хотелось бы предложить проблему соотношения права и законодательства. На первый взгляд, она носит сугубо отвлеченный характер. На самом же деле мы сталкиваемся с ней на каждом шагу – и при принятии ответственных, а то и судьбоносных решений, и в ходе преподавания юридических и смежных дисциплин, и в процессе правотворческой и правоприменительной деятельности.

Как часто в оправдание того, что то или иное решение находится за пределами закона, слышишь ссылки: это «политическое решение». Тем самым хотят подчеркнуть особую значимость принятого решения, его знаковый характер. Однако сколько-нибудь грамотному юристу, который еще не забыл того, чему его учили на студенческой скамье, должно быть понятно, что так называемое политическое решение тем более должно находиться в рамках правового поля. В противном же случае оно ни к чему, кроме дискредитации власти, не ведет, а в конечном счете и само терпит фиаско.

И уж совсем неуместны «рекомендации» не обращаться за разрешением возникшего спора в суд потому, дескать, что это может повлечь для гражданина или должностного лица, не согласного с мнением начальства, неблагоприятные последствия. Подобные предостережения, особенно когда они исходят от чиновника достаточно высокого ранга, совершенно недопустимы.

Противопоставление права и закона крайне опасно и зачастую ведет в жизни народов и государств к тягчайшим последствиям, расхлебывать которые приходится не одному поколению.

Достаточно напомнить расстрел из танков законно избранного парламента, который произошёл в России в 1993 г., или происходящие на наших глазах «зеленые», «оранжевые» и прочие так называемые революции в сопредельных государствах, которые на словах проводятся во имя высших принципов права и справедливости, а на деле инспирируются и финансируются извне и вконец расшатывают устои власти. Подход к праву как особой субстанции высшего порядка, отличной от законодательства, чреват негативными последствиями и в области преподавания. Вместо того, чтобы прививать студентам трепетное отношение к закону, их зачастую учат тому, что законом можно пренебречь во имя высших принципов права, которые адептам этих худосочных построений только и ведомы.

Нельзя ставить под сомнение, что действующий закон можно, а иногда и нужно критиковать, добиваясь его отмены или изменения в установленном конституционном порядке. Но ни в коем случае нельзя наши представления о праве, которые относятся к сфере правосознания, какими бы благими намерениями они ни подпитывались, выдавать за уже действующий закон. Это крайне опасно и чревато самыми непредсказуемыми последствиями. Хотелось бы поддержать в этом отношении саратовского ученого, профессора М. И. Байтина, который последовательно выступает против широкого правопонимания и так называемой коммуникативной концепции права⁴.

По всем этим вопросам было бы полезно развернуть на страницах журнала широкую научную дискуссию, начало которой уже положено. Для этого существуют тем большие основания, поскольку в составе кафедры теории и истории государства и права СПбГУ имеются как сторонники, так и противники коммуникативной концепции права. Разумеется, круг участников дискуссии не должен ограничиваться региональными рамками.

В разгар перестройки к руководству журнала пришли представители следующих за нами поколений. В. С. Прохорова, который на посту главного редактора достойно продолжил дело М. Д. Шаргородского и Н. С. Алексеева и работать под началом которого было легко и радостно, сменил И. Ю. Козлихин. А он в свою очередь через несколько лет передал бразды правления Е. Б. Хохлову. Все эти годы надежной опорой шефов был нынешний зам. главного редактора А. В. Ильин, эрудиции которого каждый из нас может позавидовать. Что можно сказать о наших преемниках?

Руководство журналом они взвалили на себя в крайне непростое время. В разы сократилось число подписчиков, финансирование журнала из централизованных источников прекратилось, заново пришлось создавать редакцию журнала. Если бы не помощь юридического факультета СПбГУ, журналу пришлось бы совсем плохо. Однако благодаря достигнутому взаимопониманию журнал выстоял и постепенно набирает обороты, завоевывая былое признание. Все это руководству журнала может быть поставлено в актив.

Конечно, нельзя сбрасывать со счетов, что мы представляем разные поколения – довоенное и послевоенное. Многие и мне, и моим погодкам, число которых катастрофически убывает, видится иначе, нежели тем, кто заступил на наше место. Но таков закон природы. Вспоминаешь Ф. И. Тютчева, который предостерегал «от чувства затаенной злости на обновляющийся мир».

Хочется верить, что при всех различиях нас роднит преданность науке, бескорыстное, без какой бы то ни было предвзятости служение общему делу, чистота помыслов, взыскательная любовь к нашей многострадальной Родине. Вот та платформа, на которой наши усилия могут быть объединены, в том числе и на пути придания журналу «Правоведение» еще более высокого уровня. Если наш многолетний опыт по руководству журналом нынешними капитанами будет востребован, то это вызовет только чувство удовлетворения.

РАЗВИТИЕ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В ЛЕНИНГРАДСКОМ (САНКТ- ПЕТЕРБУРГСКОМ) УНИВЕРСИТЕТЕ (1944–1994 гг.)⁵

Воссозданный в 1944 г. юридический факультет Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) университета с самого начала объединил лучшие цивилистические силы нашего города. Многие ученые, которые составили костяк профессорско-преподавательского корпуса, в свое время были питомцами Санкт-Петербургского университета. Вернувшись в *alma mater* спустя несколько десятилетий после многих житейских и социальных бурь на сей раз масти-тими профессорами и доцентами, они пережили как бы вторую молодость и с юношеским энтузиазмом окунулись в кипучую деятельность по воссозданию факультета, организации его кафедр, чтению лекционных курсов, написанию учебников и монографий, активному участию в законотворчестве. В числе ученых-цивилистов, а также ученых, научные интересы которых были тесно переплетены с цивилистикой, можно назвать таких, как А. В. Венедиктов, ставший первым деканом факультета и первым заведующим кафедрой гражданского права, С. И. Аск-назий, В. К. Райхер, Я. М. Магазинер, Б. С. Мартынов, В. М. Догадов, Л. И. Дембо, Л. И. Пово-лоцкий и др. По-видимому, наши учителя испытывали в то время примерно те же чувства, что и Анна Ахматова, в мае 1944 г. летевшая из Ташкента в Москву:

И весеннего аэродрома

Шелестит под ногой трава.

Дóма, дóма – ужели дома!

Как все ново и как знакомо,

И такая в сердце истома,

Сладко кружится голова...

В свежем грохоте майского грома —

Победительница Москва!

Каждый ощущал дыхание Победы, которая была близка. Казалось, что после войны жизнь изменится к лучшему, люди, пережившие столько ужасов, тягот и лишений, потерявшие родных и близких, станут чище, добрее, отзывчивее по отношению друг к другу. И неведомо было нашим учителям, что их ожидают и ленинградское дело, и борьба с космополитизмом, точно так же, как Анне Ахматовой не дано было знать, что грядет постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград», а за ним годы забвения, одиночества и нищеты.

На факультете было образовано несколько кафедр цивилистического профиля, или, выражаясь современным языком, частно-правового цикла. Помимо уже упоминавшейся кафедры гражданского права, это кафедры трудового права (заведующий кафедрой проф. В. М. Догадов), земельного и колхозного права (заведующий кафедрой проф. Л. И. Дембо). Про-цессуалисты во главе с Л. И. Поволоцким первоначально входили в состав кафедры граждан-ского права, но в 1954 г. выделились в самостоятельную кафедру.

С самого начала кафедры развернули напряженную научно-педагогическую деятель-ность. А. В. Венедиктов подготовил к печати фундаментальный труд «Государственная соци-

алистическая собственность», опубликованный в 1948 г., а в 1949 г. удостоенный Сталинской премии.

В. К. Райхер опубликовал в 1947 г. монографию «Общественно-исторические типы страхования». С. И. Аскназий защитил в 1947 г. докторскую диссертацию «Основные вопросы теории социалистического гражданского права», которая и по сию пору остается, пожалуй, лучшей работой по методологии гражданского права. В 1947 г. кандидатскую диссертацию на тему «Правоотношение по советскому гражданскому праву» защитил влившийся в состав кафедры О. С. Иоффе. В 1949 г. эта диссертация была опубликована в виде монографии и оказала заметное влияние на развитие как цивилистической мысли, так и общей теории права. Проф. Л. И. Поволоцкий, публиковавший работы не только по гражданскому процессу, но также по кооперативному, промышленному и изобретательскому праву, разрабатывает вопросы особого производства, учения об иске и ряд других. Наряду с этим коллектив кафедры активно участвует в подготовке нескольких послевоенных проектов общесоюзного Гражданского кодекса, которому, к сожалению, так и не суждено было стать законом.

Научная работа ведется и на других кафедрах цивилистического профиля. Проф. В. М. Догадов, который первые шаги на научном поприще начинал до революции как цивилист, является соавтором одного из послевоенных учебников по трудовому праву, проф. Л. И. Дембо публикует монографию об основных проблемах водного законодательства. Эти кафедры также принимают активное участие в подготовке крупных законодательных актов по соответствующим отраслям законодательства.

Вскоре из числа тех, кто пришел в науку после войны и так или иначе был ею опален, в состав кафедр поступает молодое пополнение.

На научном потенциале кафедр плодотворно сказалось воссоединение факультета с Ленинградским юридическим институтом, которое произошло в 1954 г. Восстановим в памяти состав кафедр после воссоединения факультета с институтом. На кафедре гражданского права работали: А. В. Венедиктов, Б. Б. Черепяхин, ставший заведующим кафедрой, О. С. Иоффе, Н. В. Рабинович, Н. А. Райгородский, А. К. Юрченко, В. Ф. Яковлева, В. Т. Смирнов, Е. А. Поссе, А. Г. Потюков и др.; на кафедре трудового права – В. М. Догадов, А. С. Пашков, Ф. М. Левиант, Я. И. Давидович, В. Н. Смирнов, Б. И. Ушков, А. М. Кузнецов; на кафедре земельного и колхозного права – Л. И. Дембо, А. М. Каландадзе, О. А. Кичатова, Н. Т. Осипов, Л. Л. Гремяко, Г. П. Левченко; на кафедре гражданского процесса – Н. А. Чечина, успешно руководившая кафедрой почти четыре десятилетия, Д. М. Чечот, Н. И. Авдеенко, А. С. Муравьева, М. А. Кабакова.

По каким же основным направлениям разворачивалась научная деятельность кафедр?

А. В. Венедиктов продолжал активно разрабатывать основные вопросы, связанные с организацией управления народным хозяйством. При жизни ученого и после его кончины, последовавшей в 1959 г., опубликованы два тома фундаментального исследования об организации государственной промышленности в СССР.

О. С. Иоффе в 1954 г. защитил докторскую диссертацию «Ответственность по советскому гражданскому праву», изданную в 1955 г. в виде монографии, а в 1958–1961 гг. опубликовал 3-томный курс по гражданскому и семейному праву, не утративший значения и по сию пору. Кроме того, он опубликовал множество работ по общей теории права и гражданскому праву, в том числе написанный в соавторстве с М. Д. Шаргородским труд «Вопросы теории права». Крупную монографию по вопросам правопреемства в бытность заведующим кафедрой гражданского права опубликовал Б. Б. Черепяхин. Н. В. Рабинович активно работала в области семейного и наследственного права, гражданского и торгового права зарубежных стран; в 1962 г. она защитила докторскую диссертацию, посвященную недействительным сделкам. Н. А. Райгородский был известен как крупный специалист по изобретательскому и авторскому праву; в 1949 г. опубликовал монографию «Изобретательское право в СССР». А.

К. Юрченко занимается главным образом вопросами изобретательского и авторского права, в 1962 г. вышла в свет фундаментальная монография «Проблемы изобретательского права», а в 1988 г. – «Издательский договор». Научные интересы В. Ф. Яковлевой находятся на стыке экономики и права. Она автор содержательных работ по вопросам специализации и кооперирования, материально-технического снабжения, комиссионной торговли. В. Т. Смирнов широко известен работами в области транспортного права и деликтной ответственности. Е. А. Поссе исследовала вопросы семейного и наследственного права, А. Г. Потюков – правосубъектности граждан и жилищного права.

Весьма активно протекала научная работа и на кафедре трудового права. Ряд работ, в том числе монографию «Правовое регулирование труда при капитализме», успел опубликовать до своей кончины проф. В. М. Догадов, воспитавший многих ученых-трудовиков. Среди них А. С. Пашков и О. В. Смирнов. А. С. Пашков, ставший преемником В. М. Догадова на посту заведующего кафедрой, является крупнейшим из ныне работающих на факультете ученых. Он зарекомендовал себя не только как выдающийся ученый-трудовик, но и как организатор крупных научных коллективов, в течение многих лет успешно сочетавший руководство и кафедрой, и Научно-исследовательским институтом комплексных социальных исследований. Научные интересы А. С. Пашкова находятся на стыке трудового права, социологии и экономики труда. Он с поразительной чуткостью и оперативностью откликается на новейшие тенденции в развитии трудового законодательства и с полным основанием считается лидером отечественной школы трудового права. Его перу принадлежит множество работ, перечислить которые здесь, к сожалению, нет возможности. Вопросы трудовой правосубъектности исследовал Б. Ф. Хрусталева, ответственности по трудовому праву – В. Н. Смирнов. Воспитанником кафедры является Т. В. Иванкина, защитившая докторскую диссертацию на тему: «Правовые проблемы распределения общественных фондов потребления». Нормативные акты, регулирующие труд рабочих и служащих, и виды трудового договора находились в поле зрения Ф. М. Левианта.

На кафедре земельного и колхозного права до самой кончины активно трудился Л. И. Дембо, опубликовавший труд «Земельно-правовые отношения в классово-антагонистическом обществе». Он осуществил также перевод «Саксонского зеркала». Посмертно опубликована его работа о земельном праве зарубежных стран. Крупным ученым-аграрником, работавшим на кафедре, был также А. М. Каландадзе, ученик Л. И. Дембо, возглавлявший кафедру после его кончины. А. М. Каландадзе исследовал главным образом вопросы истории аграрных отношений. Его докторская диссертация называлась «История колхозного права до сплошной коллективизации». Как знать, если бы мы вовремя остановились на том этапе, который исследовал А. М. Каландадзе, то, возможно, сейчас были бы с хлебом. Истории аграрно-правовых отношений в тот же период не чурался и А. И. Королев, который, к сожалению, впоследствии от этой проблематики отошел.

Не отставала от других и кафедра гражданского процесса. Несмотря на свою малочисленность, кафедра опубликовала несколько учебников по гражданскому процессу, монографий, учебных пособий. Н. А. Чечина успешно исследует едва ли не все вопросы теории гражданского процессуального права. Д. М. Чечот широко известен как автор работ о процессуальных формах защиты гражданских прав, видах гражданского судопроизводства, административной юрисдикции, социологии брака и развода. Плодотворно работала на кафедре Н. И. Авдеев.

За истекшие десятилетия на всех кафедрах неизбежно происходила смена поколений. Кто же пополнил кафедры и что они представляют собой сейчас?

На кафедру гражданского права пришли такие ученые среднего (а теперь, пожалуй, и старшего), а также младшего поколения, как В. А. Мусин, А. А. Собчак, Н. Д. Егоров, А. П. Сергеев, О. П. Павлова, Н. П. Василевская, М. В. Кротов, А. А. Иванов, Д. А. Медведев, Е. Ю. Валивина, И. В. Елисеев. На кафедре продолжают успешно трудиться ветераны – в их числе Т. А. Фаддеева. Заведует кафедрой проф. А. П. Сергеев.

От кафедры гражданского права в качестве дочернего предприятия отпочковалась кафедра хозяйственного (ныне коммерческого) права. Поначалу кафедрой заведовал проф. А. А. Собчак, а теперь В. Ф. Попондопуло, успешно защитивший докторскую диссертацию. На кафедре трудятся В. Ф. Яковлева, К. К. Лебедев, В. С. Шишкина, Н. С. Ковалевская, Д. В. Нефедов.

Кафедра хозяйственного права на первых этапах охватывала также аграрно-правовые и природоохранные дисциплины. Ныне образована самостоятельная кафедра правовой охраны окружающей среды, которую возглавляет проф. Н. С. Иванченко, крупный специалист в области международного права, экологического права и правовых проблем рационального использования живых ресурсов моря. Будем надеяться, что с его приходом к руководству кафедрой наш рыбный стол станет богаче. На этой кафедре трудятся О. А. Жаркова, А. С. Шестерюк, В. А. Лопатин и др.

Кадровые пополнения произошли и на кафедре гражданского процесса. Руководит кафедрой В. А. Мусин, крупный ученый в области гражданского, торгового и международного частного права. С полной отдачей работают ветераны Н. А. Чечина и Д. М. Чечот. Стараются не отставать от них Л. А. Кривоносова, С. М. Пелевин, А. А. Ференц-Сороцкий, А. П. Вершинин.

Кафедра трудового права и права социального обеспечения, которую ныне возглавляет проф. С. П. Маврин, пополнилась двумя докторами наук, оба – ученики А. С. Пашкова. Это – сам С. П. Маврин и Е. Б. Хохлов. Успешно трудятся А. М. Прудинский, Б. Ф. Хрусталева, А. В. Гребенчиков, М. В. Филиппова. Тон на кафедре по-прежнему задает А. С. Пашков.

Чем же были заняты кафедры последние 10–15 лет?

Начнем с кафедры гражданского права. А. А. Собчак разрабатывал вопросы хозрасчета и ответственности; В. А. Мусин – страхования, морского права, внешнеторговых сделок; Н. Д. Егоров – основные проблемы теории гражданского права; А. П. Сергеев – правового режима культурных ценностей, охраны прав личности, защиты права собственности, патентного и авторского права; Т. А. Фаддеева – семейного, наследственного, транспортного права; О. П. Павлова – обязательственного права; М. И. Кротов – теории обязательств, в том числе обязательств по оказанию услуг; А. А. Иванов – вещного и биржевого права; Д. А. Медведев – правосубъектности юридических лиц, залогового и вексельного права; Е. Ю. Валявина – жилищного права; И. В. Елисеев – международного частного права. В. А. Мусин, А. А. Собчак, Н. Д. Егоров и А. П. Сергеев защитили докторские диссертации. Кафедра гражданского права двумя изданиями опубликовала 2-томный учебник по гражданскому праву.

Кафедра коммерческого права сумела подготовить два учебных пособия – по кооперативному и коммерческому праву. Заведующий кафедрой В. Ф. Попондопуло опубликовал монографию о правовом режиме предпринимательства и защитил по этой теме докторскую диссертацию, доц. К. К. Лебедев издал практикум по коммерческому праву, который выделяется тщательностью отделки. А это всегда отличало петербургскую цивилистическую школу.

Кафедра трудового права выдала на-гора две докторские диссертации, посвященные правовому регулированию труда в условиях рыночной экономики, продолжала победную серию публикаций учебников и учебных пособий. Члены кафедры готовят 3-томный курс трудового права, который будет первым в отечественном правоведении.

Монографии опубликовали также проф. Н. С. Иванченко и доц. А. С. Шестерюк, и в их числе: «Рациональное использование живых ресурсов моря», «Охрана природы», «Экология и разоружение в системе международной безопасности», «Вопросы кодификации законодательства об охране окружающей среды».

Не сбавляла обороты и кафедра гражданского процесса.

Многие представители профессорско-преподавательского состава кафедр цивилистического цикла удостоены высоких званий и наград. Звания заслуженного деятеля науки Российской Федерации удостоены А. В. Венедиктов, В. М. Догадов, А. С. Пашков. А. В. Венедиктов и

А. С. Пашков – лауреаты Государственной премии СССР. А. В. Венедиктову была присвоена почетная степень доктора права Варшавского университета, О. С. Иоффе – Лодзинского университета. Почетным доктором нескольких зарубежных университетов после избрания депутатом стал А. А. Собчак, А. В. Венедиктов был кавалером ордена Ленина.

А. В. Венедиктову и О. С. Иоффе присуждались университетские премии за лучшую научную работу, причем А. В. Венедиктову – неоднократно. Несколько представителей кафедр удостоились диплома и премии за педагогическое мастерство.

Члены кафедр успешную деятельность на научно-педагогическом поприще сочетают с активной общественно-политической работой. Н. А. Чечина была депутатом Ленинградского городского Совета несколько созывов подряд и возглавляла в Совете комиссию по законности и правопорядку. Замечу, что положение дел в области законности и охраны правопорядка в то время в городе было значительно лучше, чем сейчас. Д. М. Чечот утвержден членом Совета по судебной реформе при Президенте РФ.

А. А. Собчак был народным депутатом и членом Верховного Совета СССР, депутатом и председателем Ленгорсовета. Ныне он мэр города и член Президентского Совета. Выступая свыше двух лет назад, в октябре 1992 г., в Университете города Мачеррата (Италия) с докторской лекцией в связи с присуждением степени почетного доктора в области политологии, наш воспитанник и коллега говорил: «В советской коммунистической системе власти налицо было явное преобладание исполнительной власти над законодательной, когда представительные органы и в центре, и на местах выполняли лишь фасадные функции, не осуществляя реальную государственную власть. Второстепенное место в системе государственной власти занимали и судебные органы, которые подчинялись в своей деятельности не столько закону, сколько райкомам, горкомам и другим комитетам коммунистической партии. Поэтому в новой Конституции России мы должны утвердить принцип разделения властей и создать гарантии сосуществования баланса исполнительной, законодательной и судебной власти.

В сегодняшней политической жизни России отсутствие такого баланса, противостояние законодательной и исполнительной ветвей власти порождает множество негативных последствий и мешает продвижению вперед по пути политических, экономических и социальных реформ»⁶. С этими положениями нельзя не согласиться. Оптимальный баланс соотношения различных ветвей власти не найден до сих пор. Законодательная власть как в центре, так и на местах, пожалуй, в не меньшей степени, чем раньше, выполняет чисто фасадные функции, а правит бал исполнительная власть, которая успела обрасти гигантским аппаратом и подмяла как законодательную, так и иные ветви власти. Будем надеяться на то, что с избранием Городского, ныне Законодательного собрания Санкт-Петербурга положение с балансом властей хотя бы в нашем городе изменится к лучшему. Вселяет оптимизм то, что во главе всех ветвей власти в городе стоят наши питомцы. Рассчитываем на то, что хотя бы они будут работать рука об руку, дружно и слаженно.

Хотелось бы отметить два качества, присущие всему нашему факультету, в том числе и кафедрам, о которых идет речь.

Это, во-первых, подлинный интернационализм. Надеемся, что наши друзья и коллеги в странах дальнего и ближнего зарубежья не забыли о роли факультета в подготовке кадров для университетов и других высших учебных заведений, научно-исследовательских учреждений и практических органов. Достаточно напомнить о роли факультета в подготовке кадров для прибалтийских республик, республик Средней Азии, Казахстана и Закавказья. Вспомните хотя бы об оказании помощи в подготовке кадров Тартускому университету. Вот перечень ученых, представителей республик, некогда входивших в Союз, и регионов России (возможно, неполный), защитивших докторские диссертации цивилистического профиля на нашем факультете: Х. А. Рахманкулов (Узбекистан), И. А. Жеруолис, В. П. Кельдер, Э. Я. Лаасик (Прибалтика), В. Г. Тихиня, К. П. Уржинский (Белоруссия), К. А. Абжанов, Ю. Г. Басин, Е. Н. Нургалиева, Г. М.

Степаненко (Казахстан), М. П. Ливицкая, П. С. Никитюк (Молдавия), В. И. Корецкий (Таджикистан), П. П. Заворотько, В. Г. Ротань (Украина), А. К. Кравцов, О. В. Смирнов (Воронеж), П. М. Филиппов (Волгоград), П. Ф. Елисейкин (Ярославль), А. А. Ерошенко (Краснодар), М. Я. Шиминова (Москва), Л. А. Ванеева, Н. И. Овчинников (Владивосток), О. А. Красавчиков, С. С. Алексеев (Свердловск), В. П. Шахматов (Красноярск).

И другое качество. Это безотказное участие членов соответствующих кафедр в законотворческой деятельности, оказании помощи практическим работникам, обобщении материалов практики, лекционной работе. Члены кафедры гражданского права, передавая эстафету от одного поколения к другому, участвовали в подготовке проектов общесоюзного гражданского кодекса в 40—50-е годы, подготовке Основ гражданского законодательства и ГК союзных республик в 50—60-е годы, подготовке Основ гражданского законодательства, законов о собственности, Гражданского кодекса Российской Федерации и других законодательных актов в 90-е годы. Аналогичные примеры можно привести и по другим кафедрам. Члены кафедр участвовали в подготовке Устава Санкт-Петербурга, Градостроительного устава, актов по жилищному законодательству, разработке предложений по разграничению компетенции Российской Федерации и субъектов Федерации.

Каждый, кто присутствует в этом зале, независимо от возраста и служебного ранга, отдает отчет в том, что факультет отмечает полувековой юбилей в далеко не лучшую для нашего Отечества пору. Общество находится в тисках острейшего экономического, политического, социального и духовного кризиса, равного которому не было, пожалуй, со времен Гражданской войны. Мог бы сказать об этом значительно больше, но учитывая юбилейный характер сегодняшнего мероприятия, вынужден сомкнуть уста. В этих условиях как никогда велика и ответственна роль юристов. Не подводить теоретические подпорки под выяснение отношений между различными ветвями власти, противопоставляя право и закон, жонглируя понятиями «легитимность» и «легальность», а неустанно внушать всем должностным лицам, всем членам общества, что нарушения закона, чем бы они ни мотивировались, недопустимы и в конечном счете оборачиваются трагедией как для общества в целом, так и для тех, кто становится на этот пагубный путь.

Однако и в нынешних трудных условиях нас не покидает вера в то, что факультет, опираясь на свои лучшие традиции, выстоит и выдюжит, выполнит возложенную на него высокую миссию. Порукой тому служат помощь и поддержка наших многочисленных питомцев, которую мы постоянно ощущаем, молодая поросль, которая идет нам на смену, неистребимая, несмотря ни на что, вера в светлый разум нашего народа.

О ПРЕПОДАВАНИИ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ⁷

Едва ли можно сомневаться в том, что преподавание гражданского права на нынешнем противоречивом этапе развития нашего общества значительно усложнилось. Этому в немалой степени способствуют, по крайней мере, следующие обстоятельства. Во-первых, нас захлестывает поток информации, которую не в состоянии переварить ни те, кто преподают гражданское право (особенно если речь идет о представителях старшего поколения, к числу которых принадлежу и я), ни те, на кого это преподавание рассчитано, т. е. обучающиеся. К тому же бум в области гражданского законодательства сопровождается, как правило, падением качества издаваемых законов и подзаконных нормативных актов, которые, оставляя в стороне то, насколько приемлема положенная в их основу общая концепция (зачастую ее вовсе нет), а также отсутствие минимального ресурсного обеспечения многих из них, содержат также существенные дефекты юридико-технического порядка, которые при надлежащей правовой экспертизе указанных актов можно было бы устранить. Все это ставит преподавателей гражданского права в сложное положение. С одной стороны, по-видимому, нельзя обойтись без критики этих актов, а с другой – важно соблюсти чувство меры, не перейти тот Рубикон, за которым студентам может быть привито нигилистическое отношение к закону, своего рода социальный «спид», который несовместим с идеей перехода к правовому государству.

С этим связано и другое обстоятельство, вызывающее трудности в преподавании гражданского права. Как ни парадоксально, но до сих пор не дан четкий ответ на вопрос, что именно мы должны преподавать, чему уделять основное внимание: скрупулезному изучению законодательства или овладению понятийным аппаратом, которым так богато гражданское право, с тем, чтобы студенты научились пользоваться гражданско-правовым инструментарием, применять его на практике, не отступая от духа и буквы закона. И здесь необходим оптимальный баланс в изучении права и законодательства, который научит студентов оперировать гражданско-правовыми категориями и понятиями и в то же время не выхолостит из них то содержание, которое вкладывает в них закон.

Третье обстоятельство, в подходе к которому давно пора определиться, связано с размежеванием предмета гражданского права и примыкающих к нему правовых образований самого различного порядка и уровня. Не вдаваясь в дискуссию о системе права, хотел бы подчеркнуть лишь несколько положений, которые помогут значительно сблизить позиции спорящих сторон.

Во-первых, система права существует не в одном, а в самых различных измерениях. Иными словами, система права многомерна, или, что то же самое, полимерна. В системе права существуют не только первичные, но также вторичные, третичные и прочие правовые образования. Этот тезис свыше полувека назад обоснован одним из моих учителей, профессором В. К. Райхером в монографии «Общественно-исторические типы страхования», опубликованной в 1947 г., и развит в статье ученого о системе права, увидевшей свет незадолго до его смерти. К этому тезису я присоединяюсь.

В последние годы все настойчивее утверждается мысль, что фундаментальным является лишь деление права на публичное и частное, а гражданское право – это ведущая ветвь частного права. С этой точки зрения даже гражданское право занимает в системе права место вторичного правового образования.

Второй тезис, который мне импонирует, выдвинут в последнее время моими младшими коллегами В. Ф. Попондопуло и Д. В. Нефедовым. Он сводится к тому, что элемент комплексности присущ любому правовому образованию, независимо от его места в системе права. Все дело лишь в мере этой комплексности. В меньшей мере она присуща первичным правовым

образованиям и в гораздо большей степени – вторичным, третичным и прочим. Ясно, что в гражданском праве комплексности меньше, эта отрасль права отличается большей юридической однородностью, нежели предпринимательское (коммерческое) право и еще более дробные правовые образования – акционерное право, банковское право, страховое право и многие другие.

Иными словами, химически чистые отрасли права выделить невозможно, их просто-напросто нет.

Изложенный подход к системе права, а именно признание многомерности системы права, с одной стороны, и комплексности (в той или иной степени) всех существующих в ней отраслей, с другой, во многом сводит на нет разногласия между «чистыми» цивилистами и сторонниками концепции хозяйственного права и в то же время позволяет выйти на оптимальные пути при размежевании того, что составляет предмет преподавания в гражданском праве и в таких специальных юридических дисциплинах, как коммерческое (предпринимательское) право, торговое право, акционерное право, банковское право, страховое право и т. д.

Возвращаясь к вопросу, чему же все-таки в ходе преподавания гражданского права следует уделять основное внимание – праву или законодательству, склоняюсь к тому, что праву, с тем, чтобы понятийный аппарат, усвоенный студентами при изучении гражданского права, был наспигован необходимой начинкой (как цивилистической, так и публично-правовой) при чтении спецкурсов, которые, в свою очередь, должны покоиться на соответствующих правовых образованиях в системе права.

Несколько слов об оптимальной системе расположения подлежащего изучению материала в курсе гражданского права. Проще всего обстоит дело с наследственным правом. Полностью солидарен с моими коллегами по кафедре гражданского права – А. П. Сергеевым и А. А. Ивановым, которые убедительно доказали, что наследственное право в учебнике гражданского права Московского университета пристегнуто к праву частной собственности граждан без каких бы то ни было разумных оснований.

Место наследственного права, уготованное ему в учебнике Московского университета, во-первых, вступает в явное противоречие с тем, что переходит по наследству (по наследству переходят все принадлежавшие наследодателю права и обязанности, кроме тех, переход которых по наследству запрещен законом либо не соответствует самой их природе; во всяком случае, бесспорно, что по наследству переходит не только право собственности), во-вторых, и это вытекает из предыдущего, сводит на нет принцип универсального правопреемства, который присущ наследованию.

Словом, в учебнике гражданского права МГУ при определении места наследственного права телегу явно поставили впереди лошади.

С нашей точки зрения, место наследственного права оптимально определено в учебнике гражданского права Санкт-Петербургского университета. Вполне оправдано то, что наследственному праву предшествует изучение семейного права, как бы ни относиться к самостоятельности семейного права в системе права. Такой подход избавляет от повторений, поскольку содержание многих понятий, используемых в наследственном праве, раскрыто в семейном праве и подчеркивает органическую связь между семейным и наследственным правом, которые весьма близки друг к другу.

Но если попытка пристегнуть наследственное право к праву частной собственности должна быть отнесена к числу недоразумений либо к нежеланию отказаться от однажды избранной позиции, не выдержавшей испытания на прочность, то при определении места в курсе гражданского права личных неимущественных прав, а также института ответственности мы сталкиваемся уже не с мнимыми, а действительными трудностями.

Какой бы вариант мы при этом ни избрали, он неизбежно связан с определенными издержками. Если замкнуть институтом личных неимущественных прав общую часть граж-

данского права, поместив его впереди вещных прав, то мы в структуре гражданского права поменяем местами имущественные и личные неимущественные отношения: первые окажутся на втором месте, а вторые – на первом. Если же поместить их после вещных прав, то личные неимущественные права окажутся между вещным и обязательственным правом, хотя как то, так и другое опосредует имущественные отношения. Если поместить их вслед за общей частью обязательственного права, то они вклинились бы в институты, составляющие одну подотрасль гражданского права – обязательственное право, оказавшись между его общей частью и отдельными видами обязательств.

Не следует ли поместить институт (или подотрасль) личных неимущественных прав после отдельных видов обязательств перед разделом, посвященным интеллектуальной собственности? Разумеется, это предложение носит сугубо предварительный характер и требует дополнительного обоснования.

Не менее сложно найти оптимальное место для института гражданско-правовой ответственности. То, что она не сводима к ответственности за нарушение обязательств, а выступает в виде санкции и за нарушение абсолютных прав (как имущественных, так и личных неимущественных), не вызывает сомнений. Вроде бы сам Бог повелел ей быть в общей части гражданского права. Однако при этом мы неизбежно сталкиваемся с трудностями методического порядка. Нельзя сбрасывать со счетов, что многие нормы, входящие в институт гражданско-правовой ответственности, рассчитаны именно на ответственность за нарушение обязательств, а потому изучение указанных норм до ознакомления с общей частью обязательственного права будет еще более затруднено. Целый ряд положений, относящихся к ответственности, все равно придется изучать в обязательственном праве, что приведет к дублированию и к тому, что они нигде с необходимой полнотой усвоены не будут. Кроме того, какое бы право ни было нарушено, в результате правонарушения возникает обязательственное правоотношение, связанное для правонарушителя с отрицательными последствиями имущественного характера. Есть поэтому достаточные основания большую часть норм, составляющих институт гражданско-правовой ответственности, сосредоточить в общей части обязательственного права, поместив вслед за ним нормы об обеспечении, изменении и прекращении обязательств.

Однако и при таком расположении материала ряд норм, относящихся к специальным мерам гражданско-правовой ответственности, будут работать на опережение. В частности, о таких мерах гражданско-правовой ответственности, как возмещение убытков и компенсация морального вреда, неизбежно придется вести речь уже при изучении способов защиты гражданских прав.

Окончательное решение вопроса о месте гражданско-правовой ответственности в системе курса гражданского права затруднено тем, что до сих пор четко не определено содержание таких понятий, как охрана гражданских прав, защита гражданских прав и гражданско-правовая ответственность, и соотношение между ними.

Следующий сюжет, который хочу затронуть, вроде бы напрямую с преподаванием гражданского права и не связан, но в то же время имеет отношение к повышению качества законодательства, а тем самым и к повышению качества преподавания гражданского права.

Речь идет об участии вузовских ученых в законопроектной деятельности. К сожалению, пока они за редкими исключениями (к числу которых можно отнести, в частности, подвижническую деятельность Е. А. Суханова по подготовке ГК РФ) к этой работе не привлекаются. Между тем именно в ходе преподавания недостатки принятых законов, которые можно было бы устранить еще на проектной стадии, становятся особенно заметны. Подготовку законов, особенно основополагающих, к числу которых, вне всякого сомнения, относится и Гражданский кодекс, нельзя отдавать на откуп узкой группе специалистов, пусть и высококвалифицированных.

Уже сейчас видны многие недостатки и огрехи как первой, так и второй частей ГК, что отрицательно сказывается на практике. Не сомневаюсь в том, что, по крайней мере, часть этих недостатков можно было бы устранить, если бы вузовские ученые, работающие как в Москве, так и на периферии, активнее привлекались к законопроектной деятельности. Сожалею, что при подготовке проекта ГК разработчики проекта по существу пренебрегли моим опытом, который воплощен и в многочисленных публикациях, в том числе в докторской диссертации, специально посвященной кодификации гражданского законодательства, и в многолетней редакторской деятельности в журнале «Правоведение». Во всяком случае помог бы хотя бы улучшить стиль изложения целого ряда закреплённых в ГК положений, которые в нынешней редакции простому смертному мало доступны. Кажется, до сих пор признавалось, что Толстые не так уж плохо умели излагать свои мысли. Словом, с келейностью и снобизмом в законопроектной работе пора кончать.

Сказанное, разумеется, не умаляет весомости вклада наших друзей и коллег, которым выпала честь непосредственно разрабатывать проект ГК, в его подготовку – в первую очередь А. Л. Маковского, уже упомянутого Е. А. Суханова и, конечно же, незабвенного Станислава Антоновича Хохлова, который был душой законопроектных работ и, кстати сказать, не чурался привлекать к ним ученых из глубинки, в том числе из Санкт-Петербурга.

И, наконец, последний сюжет, который прямо относится и к качеству преподавания гражданского права, и к воспитанию тех поколений юристов, которые очень скоро придут нам на смену. Я имею в виду гражданскую позицию преподавателей, которая должна находить отражение в издаваемых учебниках и учебных пособиях, при чтении лекций и проведении семинарских занятий, в непосредственном общении со студентами. Не прятать голову под крыло, руководствуясь немудреным житейским принципом: как бы чего не вышло, а открыто, без оглядки на власть имущих вскрывать язвы, которых накопилось у нас предостаточно. Но при этом нельзя становиться и на путь зряшного отрицания, ниспровергая с порога все и вся, не замечая тех позитивных ростков, пусть и слабых, которые иногда пробиваются в жизни.

К реальным социально-экономическим отношениям гражданское право находится, пожалуй, ближе всех других правовых образований. Оно выступает в качестве их формы и призвано их обслуживать. Поэтому мы, цивилисты, наряду с политиками, экономистами, философами, социологами, государствоведами, несем свою долю вины и ответственности за то, что наша страна оказалась в трясине, из которой не знает, как выбраться. Как могло случиться, что страна, располагающая значительными природными ресурсами и высоким интеллектуальным потенциалом, вынуждена пуститься по миру с сумой и протянутой рукой? Как могло случиться, что великая страна, которая была второй державой мира, оказалась отброшенной в разряд государств, с которыми мало кто считается? Вот какой вопрос каждый из нас должен себе задать и спросить у собственной совести: а все ли я сделал, чтобы этого не произошло, не кривил ли душой, не петлял ли как заяц ради достижения собственных мелкотравчатых интересов, удовлетворения мелких страстей и амбиций?

Перефразируя слова поэта, провозгласим: ученым можешь ты не быть, но гражданином быть обязан. Хотя, конечно, преподавателю гражданского права, призванному сеять разумное, доброе, вечное, если он хочет быть на высоте и пользоваться уважением как своих коллег, так и студентов, должны быть присущи оба эти качества.

РАЗДЕЛ II. MEMORIAE

АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ВЕНЕДИКТОВ (1887–1959) ⁸

В ряду ученых, внесших весомый вклад в развитие советской юридической науки, одно из первых мест, несомненно, принадлежит Анатолию Васильевичу Венедиктову ⁹.

Действительный член Академии наук Союза ССР, кавалер ордена Ленина, лауреат Государственной премии СССР, заслуженный деятель науки РСФСР, почетный (*honoris causa*) доктор права Варшавского университета – таков далеко не полный перечень высоких званий и наград, которых был удостоен доктор юридических наук, профессор Ленинградского университета А. В. Венедиктов. Перу его принадлежит свыше 230 работ, относящихся к праву, истории и экономике. В каждой из них, будь то капитальная монография или небольшая статья, Анатолий Васильевич выступал во всеоружии научного знания. Ученый широкой и разносторонней эрудиции, он одинаково свободно чувствовал себя не только при исследовании специальных вопросов права, идет ли речь о проблемах общей теории права, праве собственности, юридической личности социалистических организаций, договорной дисциплине, финансовом законодательстве и т. д., но и при освещении наиболее сложных проблем отечественной и зарубежной истории, политической экономии и отраслевых экономик, до сих пор вызывающих в науке острые дискуссии. Влияние его трудов на развитие научной мысли, особенно в области права, истории и экономики, неоспоримо. Можно назвать десятки фундаментальных произведений, изданных в СССР и зарубежных социалистических странах, авторы которых испытали благотворное воздействие идей А. В. Венедиктова по вопросам права собственности, гражданской правосубъектности, организации государственной социалистической промышленности и многим другим. Достаточно напомнить хотя бы, какую обильную научную литературу до сих пор вызывает монография А. В. Венедиктова «Государственная социалистическая собственность», изданная в 1948 г. и переведенная на шесть иностранных языков. Вот уже почти три десятилетия эта книга продолжает оставаться одним из самых крупных исследований, посвященных основным проблемам права государственной социалистической собственности в СССР. Учение А. В. Венедиктова о праве государственной социалистической собственности, о соотношении этого права с правомочиями госорганов на закрепленное за ними государственное имущество оказало и продолжает оказывать влияние не только на научные исследования в этой области, но и непосредственно на практику государственно-правового строительства как в СССР, так и в зарубежных социалистических странах.

Круг научных интересов А. В. Венедиктова был необычайно широк. Получив в высших учебных заведениях Петербурга экономическое (в Политехническом институте) и юридическое (в Университете) образование, он до начала Первой мировой войны дважды командировался для научных занятий за границу, где работает в области гражданского и торгового права капиталистических стран, римского права и папирологии. Блестящее образование, помноженное на неустанный самоотверженный труд и выдающиеся способности ученого-исследователя, позволило А. В. Венедиктову на протяжении полувековой научной деятельности создать фундаментальные труды, в которых глубокую и разностороннюю разработку получили столь далеко отстоящие друг от друга проблемы, как государственная социалистическая собственность и военно-хозяйственное законодательство капиталистических стран периода Первой и Второй мировых войн, организация государственной промышленности в СССР и феодальная собственность, юридическая личность государственных социалистических организаций и слияние акционерных компаний, хозрасчет предприятия, цеха, бригады и посессорная защита в

праве антагонистических формаций, договорная дисциплина в промышленности и антитрестовское законодательство. Этот перечень мог бы быть продолжен.

В пределах небольшой статьи нет возможности дать сколько-нибудь подробную характеристику научного творчества академика А. В. Венедиктова.

Попробуем ответить на два вопроса, которые, по-видимому, возникают у всякого, кто изучает труды А. В. Венедиктова: во-первых, какие качества позволили ученому внести в науку столь ощутимый вклад, и, во-вторых, каким должно быть наше отношение к его творческому наследию.

А. В. Венедиктов был, несомненно, одарен от природы ярким и самобытным талантом исследователя, глубоким, пытливым умом. Без этих качеств он никогда не стал бы тем, чем он был и остается в отечественной и мировой науке. Но одних этих качеств, если к ним не приложен повседневный, преодолевающий все препятствия на пути к цели, поистине титанический труд, еще недостаточно, чтобы из юноши, избравшего науку делом своей жизни, постепенно выработался выдающийся ученый. Надо сказать, что природа не ошиблась, щедро одарив Венедиктова: ее семена пали на благодатную почву. Пожалуй, самой характерной чертой многогранной личности Анатолия Васильевича была его поразительная работоспособность. Она бросалась в глаза всем, кто хоть однажды общался с ним. Труд действительно составлял для него первую жизненную потребность. Неизвестно, когда он отдыхал. Вот и сейчас: воочию вижу его сидящим за письменным столом в рабочем кабинете, заставленном книгами. Книги всюду: на полках до самого потолка, в книжных шкафах, на столе, стульях. Анатолий Васильевич в синей рабочей блузе склонился над рукописью. Он поднимает голову, и я вижу его добрые, все понимающие глаза, зорко и немного лукаво смотрящие из-под косматых седых бровей...

Свой первый капитальный труд «Слияние акционерных компаний» А. В. Венедиктов опубликовал в 1913 г. в 26-летнем возрасте; последние прижизненные публикации датированы 1959 г., т. е. годом смерти. Далеко не каждому дано на протяжении столь длительного отрезка времени сохранить высокий творческий потенциал. И этим Анатолий Васильевич во многом был обязан не только своим природным данным, но и привитой с отроческих и юношеских лет потребности к каждодневному труду.

В 1951 г. Анатолий Васильевич перенес тяжелый инфаркт. Иные на его месте заметно свернули бы свою научную деятельность, довольствуясь тем, что достигнуто. Не таков был Венедиктов. Едва оправившись от болезни, он начинает работать с удвоенной энергией, опасаясь лишь одного – что не успеет свершить всего, что задумано. Его творческая продуктивность в последние годы жизни поразительна. В 1954 г. он публикует монографию «Гражданско-правовая охрана социалистической собственности», одновременно работая над многотомным исследованием, посвященным истории организации государственной промышленности в СССР. Первый том этого фундаментального труда объемом в 56 уч. – изд. л. публикуется в 1957 г. Готовя к публикации первый том, Анатолий Васильевич продолжает интенсивно трудиться над последующими. Материалы этих разработок составили второй том объемом 62,5 уч. – изд. л., который опубликован в 1961 г., уже после кончины ученого. Наряду с этим А. В. Венедиктов с исключительной оперативностью откликается на сложные экономико-правовые вопросы, возникшие в связи с начавшейся в пятидесятых годах реорганизацией управления промышленностью и строительством. Он публикует по этим вопросам ряд статей и одновременно готовит к печати монографию «Правовое положение совнархоза и подведомственных ему предприятий», опубликованную в 1959 г. посмертно. И все это не считая множества статей по самым различным вопросам общей теории права, гражданского права и истории права, среди которых широко известные работы о системе гражданского кодекса (1954 г.), о государственных юридических лицах (1955 г.), о субъектах социалистических правоотношений (1956 г.) и другие.

Жизнь Анатолия Васильевича в эти годы, когда он, борясь с постигшим его тяжелым недугом, развил поразительную творческую активность, по праву может сравниться с подвигом.

Формированию Венедиктова, выдающегося ученого и крупной личности, во многом содействовали его исключительная требовательность, высокая принципиальность и научная добросовестность. Анатолий Васильевич предъявлял немалые требования к своим ученикам, друзьям и товарищам по работе, но в первую очередь он был требователен по отношению к самому себе. С этим качеством неразрывно связаны его высокая принципиальность и научная добросовестность. Они сказывались буквально во всем: и в том, с какой прямоотой Анатолий Васильевич отстаивал свои взгляды, не считая в то же время зазорным публично отказываться от тех из них, которые он признавал устаревшими или ошибочными; и в том, с какой тщательностью он проверял в своих работах каждую сноску; и в том предельном уважении, с каким он относился к трудам своих коллег, независимо от того, разделял ли он их взгляды или полемизировал с ними; и в том, с какой скрупулезностью следил он за малейшими изменениями в законодательстве и практике судебно-арбитражных, хозяйственных и иных органов по его применению.

О высокой научной принципиальности А. В. Венедиктова свидетельствует, например, такой факт. В 1949 г. книга Венедиктова «Государственная социалистическая собственность» была удостоена Государственной премии, а в 1950 г. появилась статья, автор которой не только поставил под сомнение основные положения этой книги, но и связывал с нею чуть ли не все беды советской цивилистики. Анатолий Васильевич смело выступил в защиту основных теоретических положений своей книги. В короткий срок он подготовил два доклада и две статьи, в которых доказал всю беспочвенность выдвигавшихся против него обвинений. В своих выступлениях он отстаивал неотъемлемое право советского ученого, не ограничиваясь комментированием общеизвестных положений, вносить посильный вклад в развитие марксистско-ленинской теории о государстве и праве в интересах коммунистического строительства. Выступления Венедиктова отличались глубокой партийностью, подлинной научной объективностью, высокой принципиальностью. Они имели важное значение для успешного развития советской юридической науки и формирования научной молодежи.

В тех же случаях, когда взгляды Анатолия Васильевича претерпевали изменения, он считал нравственным долгом уведомить об этом своих слушателей и читателей. Известно, например, что в работе «Правовая природа государственных предприятий», вышедшей двумя изданиями в 1928 г., А. В. Венедиктов рассматривал государственное юридическое лицо как само государство, организующее свою деятельность в сфере товарно-денежных отношений. Иными словами, он был близок к теории, которая впоследствии стала именоваться теорией государства и получила дальнейшее развитие и обоснование в трудах другого видного ученого-цивилиста – профессора С. И. Аскназия. Будучи со своей стороны последователен, А. В. Венедиктов имущество государственного юридического лица рассматривал тогда как товарную форму собственности государства, а отношения между трестом и существовавшим в то время ВСНХ квалифицировал не как правовые, а как организационно-технические. В конце тридцатых – начале сороковых годов Венедиктов решительно пересмотрел эти взгляды, выступив с обоснованием теории коллектива. С присущей подлинному ученому принципиальностью и самокритичностью он публично объявил об отказе от этих взглядов и дал их развернутую и глубокую критику¹⁰.

Неотъемлемыми качествами Венедиктова-ученого являлись глубина и многосторонность научного анализа. Эти качества воплощены во всех трудах Венедиктова, начиная от крупных фундаментальных произведений и кончая статьями, научными обзорами, рецензиями, тезисами докладов. При ознакомлении с работами А. В. Венедиктова поражает обилие ссылок на самые различные источники. Анатолия Васильевича порой даже упрекали за чрез-

мерное пристрастие к сноскам. И лишь с годами начинаешь понимать, какой колоссальный труд вкладывал он не только в формулирование теоретических выводов и положений, многие из которых стали хрестоматийными¹¹, но и в саму подготовку к написанию своих произведений, ту черновую работу, в ходе которой и выковывается настоящий ученый. А если вспомнить, что всю эту работу Венедиктов проводил без посторонней помощи, опираясь на свои недюжинные способности, то можно лишь преклоняться перед тем, что им содеяно. Но дело, разумеется, не столько в числе сносок, сколько в том, что и в большом и в малом Венедиктов всегда оставался настоящим ученым, который не терпел верхоглядства в науке, к исследованию любого вопроса подходил с высоким чувством ответственности, опираясь на все доступные ему источники информации и научного знания. Он в совершенстве владел мастерством научного анализа, чувствуя себя как в своей стихии при изучении и пандектной литературы, и актов о национализации, и вотчинных грамот, и судебной практики по «коровьим делам», и *Corpus juris civilis*.

С особой осмотрительностью он подходил к формулированию предложений по изменению действующего законодательства, хорошо помня ленинское указание о том, что законодательствовать нужно с тройной оглядкой: семь раз примерь¹². Будучи председателем одной из рабочих подкомиссий по подготовке проекта Гражданского кодекса СССР¹³, Венедиктов хорошо понимал, что законопроектная деятельность не терпит прожектерства. Отнюдь не случайно, что многие из положений, получивших теоретическое обоснование в трудах Венедиктова, закреплены ныне в Основах гражданского законодательства, ГК союзных республик, Положении о социалистическом государственном производственном предприятии и других нормативных актах. Для советского ученого-юриста нет более высокой оценки его деятельности!

В центре научного творчества Венедиктова на протяжении всей его жизни находились организационно-правовые проблемы народного хозяйства, главным образом связанные с управлением государственной социалистической промышленностью в СССР. При исследовании этих, как и других проблем, ученому органически было присуще чувство реальности. Он никогда не делал скоропалительных выводов и предложений, тщательно взвешивал каждое свое устное и печатное слово, настойчиво предостерегая против использования таких организационно-правовых форм, которые ранее уже испытывались, но не оправдали себя в практике хозяйственного строительства. Эти предостережения ученого с особой силой прозвучали в период реорганизации управления промышленностью и строительством, проводившейся в пятидесятых годах.

Пожалуй, как никто другой в советской юридической науке, Венедиктов ощущал бие-ние пульса хозяйственной жизни, с поразительной чуткостью улавливал малейшие отклонения практики от заданного курса.

Одним из привлекательных качеств Анатолия Васильевича являлась его постоянная связь с практикой. При всей приверженности к работе над книгой Венедиктов никогда не был чисто кабинетным ученым и тем более ученым-отшельником. С первых своих шагов в науке и до последних дней ученый по самым различным каналам был неразрывно связан с целой армией практических работников, которые пользовались его советами и консультациями, слушали его лекции и доклады и в свою очередь питали его материалом, идущим от самой жизни, от насущных потребностей общественного развития. Этим прежде всего можно объяснить, почему в работах Венедиктова при всей их академичности вы чувствуете дыхание жизни, глубокое понимание задач государственно-правового и хозяйственного строительства и путей их решения.

Глубокой внутренней потребностью Венедиктова, и как ученого, и как человека, являлось постоянное творческое общение его с коллегами и учениками по научной работе. Уче-

ный громадной эрудиции, он мог бы любого из нас подавить запасом своих знаний. Это не мешало ему с одинаковым вниманием и тактом выслушивать советы и пожелания, от кого бы они ни исходили: от седовласого собрата по науке или от аспиранта, или, наконец, от студента, который готовит первый в своей жизни научный доклад. Как самые дорогие реликвии храню я письма и записки Анатолия Васильевича, в которых он просит ознакомиться с такой-то его работой, сделать по ней хотя бы устные замечания, высказать соображения по тому или иному спорному вопросу. Анатолий Васильевич нередко вызывал огонь на себя, оттачивая и проверяя свои взгляды в ходе научных дискуссий.

Наконец, неотъемлемыми качествами Венедиктова являлись его идейная убежденность в правоте нашего дела, глубокая любовь к Родине, подлинный демократизм, нравственная чистота, такт и порядочность.

Воспитанный в демократических традициях, Анатолий Васильевич в юношеские годы участвовал в революционном движении, получив идейную закалку у рабочих Урала и Уфы, в рядах передового петербургского студенчества. Верность демократическим идеалам своей молодости он сохранил на всю жизнь.

Тем, кто недостаточно близко знал Венедиктова, он мог показаться нелюдимым человеком, целиком погруженным в научные занятия и отрешенным от мирских забот. В действительности, однако, внешне суровый облик скрывал человека, который все видел и все понимал, беззаветно любил свою Родину, жил ее тревогами и надеждами, радовался каждому ее успеху, горько переживал ее трудности и неудачи. Анатолий Васильевич был настоящим патриотом в самом лучшем смысле этого слова.

С 1952 г. и до конца жизни А. В. Венедиктов входил в состав Советского комитета защиты мира. В 1959 г. он был награжден Почетной грамотой Всемирного Совета Мира.

Невозможно представить себе Анатолия Васильевича, и как ученого, и как крупную личность, без высоко развитого чувства долга. Это его качество сказывалось во всем: и в том, с какой добросовестностью и пунктуальностью выполнял он свои многочисленные обязанности; и в том, как он ценил не только свое, но и чужое время; и в том, как он буквально по минутам расписывал свой рабочий день.

Будучи человеком большого душевного обаяния и добросердечия, Венедиктов вместе с тем не терпел фальши, угодничества и приспособленчества, особенно в науке. Покривить душой при оценке той или иной работы, выдать тусклую посредственность за подающего надежды ученого или, напротив, очернить пусть и спорное, но талантливое произведение – все это Венедиктов считал несовместимым с самим назначением науки, призванной к отысканию истины.

Таковы те неоценимые человеческие качества, которые позволили А. В. Венедиктову, будучи от природы богато одаренной натурой, внести весомый вклад в развитие отечественной и мировой науки. Все эти качества были во много раз приумножены Анатолием Васильевичем в результате самоотверженного, поражающего своими масштабами и эффективностью труда на благо нашей Родины.

Каким должно быть наше отношение к творческому наследию А. В. Венедиктова? Разумеется, самым бережным, основанным на глубоком уважении к тому вкладу, который ученый внес в сокровищницу человеческой мысли. Изучая труды А. В. Венедиктова, нужно помнить, что его взгляды на протяжении полувековой научной деятельности далеко не всегда оставались неизменными. В тех случаях, когда они претерпевали изменения, крайне важно тщательно проследить эволюцию этих взглядов, выявить причины, ее вызвавшие, и уж при всех обстоятельствах излагать их с полной научной достоверностью и объективностью. К сожалению, это требование соблюдается не всегда.

В целом ряде работ концепция А. В. Венедиктова о праве собственности излагается без учета тех изменений, которые внес в нее автор после выхода в свет его монографии «Государ-

ственная социалистическая собственность» (1948 г.). Между тем в работах пятидесятых годов Венедиктов внес в эту концепцию два основных уточнения: во-первых, признал, что понятие «присвоение» Маркс употреблял в качестве многозначного, и, во-вторых, пришел к выводу, что вначале должно быть сформулировано определение права собственности как правового института и лишь вслед за ним как субъективного права¹⁴.

Изучая труды А. В. Венедиктова, нужно помнить, что его взгляды по кардинальным проблемам выступают отнюдь не в виде отрывочных высказываний, а в виде научных концепций, иными словами, как система взглядов, проникнутых внутренним единством. Чтобы разобраться в существе этих взглядов, нужно опираться не на отдельные высказывания автора, которые могут быть и неудачными, а на концепцию в целом. К сожалению, и это требование не всегда учитывается в должной мере.

Известно, например, что в трудах Венедиктова с исчерпывающей полнотой обоснован принцип единства фонда государственной социалистической собственности. Венедиктов многократно подчеркивал, что единым и единственным собственником всех государственных имуществ, в чем бы они ни выражались и в чем бы ведении ни находились, является весь советский народ в лице социалистического государства. Что же касается отдельных госорганов, то они лишь оперативно управляют вверенными им частями единого фонда государственной собственности, но не становятся собственниками таковых. Непосредственное оперативное управление Венедиктов отличал от управления как чисто организующей деятельности государства и его органов и рассматривал в качестве специфической формы закрепления государственного имущества за социалистическими госорганами, наделенными правами юридических лиц.

Известно, что категория оперативного управления, получившая в трудах Венедиктова теоретическое обоснование, закреплена ныне как в советском законодательстве, так и в законодательстве целого ряда зарубежных социалистических стран. В то же время многие вопросы, относящиеся к характеристике права оперативного управления, круга его субъектов и объектов, способов осуществления и защиты, продолжают оставаться спорными. Продолжение дискуссии по всем этим вопросам, разумеется, можно только приветствовать. Но мимо одного обстоятельства, относящегося к научному наследию А. В. Венедиктова, нельзя пройти. Речь идет о предпринятой в некоторых работах попытке доказать, будто категория оперативного управления была введена Венедиктовым в научный обиход лишь как экономическая, но не правовая и уж во всяком случае в трудах Венедиктова якобы не упоминается о праве оперативного управления, в качестве носителей которого как раз и выступают социалистические госорганы¹⁵. С этим едва ли можно согласиться.

Анализ взглядов Венедиктова на соотношение государственной социалистической собственности и оперативного управления социалистических госорганов, который не замыкается на книге «Государственная социалистическая собственность», а восходит к работам пятидесятых годов, позволяет утверждать, что ученый признавал госорганы носителями как права, так и обязанности оперативного управления вверенным им государственным имуществом. Кстати сказать, на сей счет в трудах Венедиктова можно найти и прямое указание¹⁶. То обстоятельство, что в «Государственной социалистической собственности» Венедиктов избегает прямо говорить о праве оперативного управления, находит свое объяснение в следующем. В период написания указанной монографии его, как и других цивилистов, занимала мысль, как найти формулу, которая, отражая действительное соотношение права государственной собственности и права оперативного управления социалистических госорганов, вместе с тем отличалась бы простотой и доступностью и могла быть возведена в закон¹⁷. По указанным основаниям он и избегал говорить о праве оперативного управления¹⁸.

Наконец, небезынтересно отметить, что в работах учеников А. В. Венедиктова, находившихся в постоянном творческом общении с ним, уже прямо и не один раз говорится о праве

непосредственного оперативного управления (праве оперативного управления, праве управления) социалистических госорганов. Причем работы эти опубликованы еще до проведения второй общей кодификации советского гражданского законодательства¹⁹. Было бы, однако, наивно полагать, что право оперативного управления впервые получило прописку лишь в работах учеников А. В. Венедиктова, которые в этом вопросе целиком шли в русле идей своего учителя.

Изучая и оценивая труды А. В. Венедиктова, нужно помнить, что он был сыном своего времени. Труды Венедиктова несут печать неповторимой эпохи, в которую он жил и работал. При высокой оценке этих трудов, составивших веху в развитии научной мысли (в первую очередь цивилистической) и сохраняющих важное значение и по сию пору, разумеется, не все положения, которые отстаивал ученый, выдержали испытание временем. Едва ли, в частности, можно безоговорочно принять то, что писал А. В. Венедиктов о презумпции права государственной социалистической собственности. В свое время аналогичных взглядов на роль презумпции права государственной собственности придерживалось подавляющее большинство советских цивилистов, в том числе и автор настоящей статьи. Жизнь, однако, показала, что правильную позицию в этом вопросе занимали лишь немногие ученые, которые доказывали, что презумпция права государственной собственности, сыграв свою роль на первой фазе развития Советского государства в борьбе с частнокапиталистическими элементами, должна сойти с исторической сцены и не подлежит закреплению в нашем законодательстве. Законодатель, как известно, поддержал в этом вопросе не А. В. Венедиктова и тех, кто разделял его взгляды, а противников презумпции права государственной собственности. В действующем законодательстве она не закреплена, и руководствоваться ею не следует²⁰.

При жизни Анатолий Васильевич не раз выступал против того, чтобы на его труды навесили «хрестоматийный глнец». Он мечтал о том, чтобы они всегда занимали место в рабочем строю, чтобы отношение к ним было подлинно творческим, чтобы его ученики и последователи не ограничивались тем, что сделано им, а шли дальше, живо откликаясь на нужды коммунистического строительства, всемерно используя широчайшие возможности и перспективы, которые открываются перед советской юридической наукой в условиях развития социалистической демократии, укрепления правопорядка и законности.

Все те качества, которые были органически присущи Венедиктову-ученому, воплощались не только в его научных трудах, но и в его многогранной деятельности педагога и воспитателя, крупного организатора юридического образования в стране.

Педагогическая деятельность А. В. Венедиктова, начавшаяся в 1910 г. в коммерческих училищах Петербурга, длилась без малого полвека и протекала главным образом в Ленинградском политехническом институте и Ленинградском университете. Через его руки прошло не одно поколение юристов и экономистов, которым Анатолий Васильевич щедро передавал свои громадные знания, старался привить вкус к самостоятельной научной работе и которые, как бы ни сложилась дальнейшая их судьба, навсегда сохранили о своем учителе светлую и благодарную память. В своих учениках Анатолий Васильевич превыше всего ценил способность к самостоятельному творческому мышлению, трудолюбие, честность и принципиальность. Будучи живым воплощением этих качеств, он служил для всех нас примером образцового выполнения своих обязанностей. Людей, которые общались с ним, А. В. Венедиктов невольно заставлял подтягиваться, становиться лучше и чище. Он не терпел расхлябанности, работы спустя рукава, моральной нечистоплотности.

Замечательные качества Венедиктова – педагога и воспитателя студенческой и научной молодежи – развернулись, пожалуй, с особой силой в последний период его жизни, когда судьба его вновь, и на этот раз навсегда, оказалась связанной с Ленинградским университетом. В 1944 г. А. В. Венедиктов становится первым деканом воссозданного после длительного перерыва юридического факультета Ленинградского университета и занимает этот пост в течение

пяти лет. С того же 1944 г. он в течение десяти лет возглавляет на факультете кафедру гражданского права. В трудные послевоенные годы Анатолий Васильевич проводит большую работу по привлечению на факультет лучших научных сил, повышению уровня университетского образования и качества подготовки специалистов. По его инициативе на факультете читаются проблемные спецкурсы, иные из которых вылились впоследствии в фундаментальные научные исследования. В те годы творческая жизнь на факультете бьет ключом. Защищаются докторские и кандидатские диссертации, внесшие вклад в развитие юридической науки, регулярно проводятся конференции и диспуты, собирающие громадную аудиторию.

Особо следует сказать о деятельности Анатолия Васильевича по руководству студенческим научным кружком, созданным при кафедре гражданского права. В эту работу он буквально вкладывал душу, не жалел ни времени, ни сил для бесед с членами кружка, терпеливо выслушивал наши, как теперь очевидно, незрелые суждения, радовался каждой свежей мысли в наших докладах и выступлениях. Заседания кружка выливались в творческие дискуссии, в которых многие из нас проходили настоящую научную школу, получали закалку на всю жизнь. Темы кандидатских диссертаций, защищенных впоследствии многими из нас, были навеяны докладами, сделанными в студенческом научном кружке под руководством А. В. Венедиктова.

К своим ученикам Анатолий Васильевич относился с любовью и душевным тактом. Он всегда был готов прийти и действительно приходил к нам на помощь в трудные минуты нашей жизни. Но если кто-то из нас совершал вольное или невольное прегрешение, то он хорошо знал, что строгий и справедливый суд нашего учителя будет неминуем.

Анатолий Васильевич гордился своими учениками, заботливо пестовал их, радовался каждому их успеху, горевал вместе с ними, когда в работе или в жизни у них что-то не ладилось.

Десять лет Анатолий Васильевич стоял во главе кафедры гражданского права. В то время кафедра представляла собою исключительно сильный цивилистический коллектив, объединявший ученых высокой научной культуры, глубоких и разносторонних знаний. Помимо А. В. Венедиктова на кафедре работали такие видные ученые, как С. И. Аскназий и В. К. Райхер; такие квалифицированные специалисты, как Н. В. Рабинович и Л. И. Картужанский; набирал силы тогда еще молодой О. С. Иоффе. В аспирантуре при кафедре состояли Б. Л. Хаскельберг, А. К. Юрченко, Э. Я. Лаасик, А. Н. Арзамасцев, К. Ф. Егоров, М. Г. Маркова, автор этих строк. Анатолий Васильевич с предельным тактом и вместе с тем достаточно твердо руководил этими во многом разными людьми, спаянными общей любовью к науке. А. В. Венедиктов был горячим поборником развертывания на кафедре самых широких научных дискуссий, в ходе которых каждый из нас, будь то профессор, аспирант или студент, мог бы высказать свое мнение, не боясь навлечь на себя «гнев шефа».

Ученый мирового масштаба, Анатолий Васильевич никогда не чурался черновой работы, будучи не только заведующим кафедрой, но и деканом факультета, занятый выполнением ответственного задания по подготовке проекта Гражданского кодекса, он читал общие и специальные лекционные курсы, вел семинары и спецсеминары, руководил дипломными и курсовыми работами. И на педагогическом поприще он являл собою пример неутомимого труженика.

До конца дней своих Анатолий Васильевич ощущал себя членом университетского коллектива, всегда готовым прийти на помощь не только ближним, но и дальним. Мало кто, например, знает, что, будучи тяжело больным, когда жить ему оставалось немногим более месяца, он принимает деятельное участие в подготовке правительственного решения о мерах помощи Ленинградскому университету, энергично добиваясь улучшения жилищно-бытовых условий сотрудников университета и укрепления его материально-финансовой базы.

Таким был и остается в нашей памяти, в своих трудах и свершениях Анатолий Васильевич Венедиктов – ученый и педагог, старший друг и наставник, человек и гражданин социалистического отечества.

Выдающийся советский экономист, академик С. Г. Струмилин в интервью, данном незадолго до смерти, говорил: «Экономисты, как ученые, так и практики, умирают. Однако их идеи, мысли, воплощенные в книгах, статьях, в конкретных делах, остаются. Остаются их ученики, которые продолжают их дело, развивая их взгляды, излагая их печатно и устно. Именно в этом смысле мне хочется подчеркнуть, что настоящий экономист бессмертен, его идеи, взгляды живут и после его смерти. И чем значительнее было влияние его идей, тем дольше жива память об их авторе.

Хочется верить, что в дальнейшем пропорционально росту машинных средств обработки экономической информации будет расти и нравственный облик наших экономистов. А одним из вернейших показателей уровня этого облика является отношение к старшему поколению ученых, к их памяти... Думается, что неотъемлемым качеством экономиста, как и вообще всякого настоящего ученого, должно быть *благородство*... Нравственность ученого, его совесть, внутренняя честность – вот залог в этом»²¹.

Эти слова полностью приложимы и к юристам. Отдавая дань уважения памяти наших учителей, воспитывая себя и других на их трудах и свершениях, каждый из нас должен стремиться к тому, чтобы сохранить и приумножить их замечательные качества, передать их как эстафету новым поколениям советских юристов, которые придут нам на смену²².

КОНЦЕПЦИЯ А. В. ВЕНЕДИКТОВА О ПРАВЕ СОБСТВЕННОСТИ И СОВРЕМЕННОСТЬ ²³

В творческом наследии академика А. В. Венедиктова одно из центральных мест занимают вопросы права собственности. Побудительным толчком к их исследованию послужила необходимость выявить соотношение права собственности Советского государства с правомочиями социалистических госорганов на закрепленное за ними имущество. Столкнувшись с совпадением формулировок, относящихся к характеристике права собственности в ст. 58 ГК РСФСР 1922 г. и правомочий треста на выделенное ему имущество в ст. 5 Положения о государственных промышленных трестах от 29 июня 1927 г.²⁴, ученый в различные периоды своей жизни неодинаково отвечал на вопрос, становится ли трест собственником указанного имущества. В работах 20-х годов, в первую очередь в монографии «Правовая природа государственных предприятий», вышедшей двумя изданиями в 1928 г., А. В. Венедиктов рассматривал имущество треста как товарную форму собственности самого государства. Тем самым право государственной собственности, по тогдашним воззрениям автора, должно быть приурочено не только к государству как таковому, но и к тресту. Последний – это само государство, выступающее в маске товаровладельца. Концепция, согласно которой имущество треста есть не что иное, как товарная форма собственности самого государства, уходит своими корнями в широко распространенное в тот период представление о начавшемся якобы вытеснении правовых отношений организационно-техническими, о том, что подлинно правовыми могут быть только меновые отношения, а потому отношения, которые складываются между государством в лице ВСНХ и трестом, по сути своей не правовые, а организационно-технические²⁵. В дальнейшем, однако, А. В. Венедиктов признал правовыми отношения треста не только с другими участниками товарного оборота, но и с государством в лице планово-регулирующих органов. В связи с этим перед автором со всей остротой встал вопрос, как право государственной собственности соотносится с правами государственных юридических лиц на закрепленное за ними имущество. Не признавая правовой характер отношений государства с государственными юридическими лицами, он еще мог «уйти» от ответа на него, поскольку в указанных отношениях государство и государственные юридические лица не противостояли друг другу как субъекты права. Теперь же от ответа на него никуда нельзя было уйти. Абстрактно рассуждая, ответить на него можно было по-разному. Опираясь на давнюю историческую традицию, можно было бы использовать для этого категорию разделенной собственности, признав государство верховным, а государственное юридическое лицо – подчиненным собственником. Однако в 30-х годах такой путь для А. В. Венедиктова, как и для подавляющего большинства исследователей данной проблемы, был принципиально неприемлем. При жесткой централизации ведения хозяйства на плановых началах, которая в предвоенный период непрерывно нарастала, эта конструкция явно диссонировала бы со сложившимися в жизни и казавшимися незыблемыми реалиями.

Итак, трест, а с момента признания самостоятельной юридической личности не только автономных, но и трестированных предприятий, и предприятие ни в каком качестве не выступает как собственник закрепленного за ним государственного имущества. Единым и единственным собственником всех государственных имуществ, в чем бы они ни выражались и у кого бы ни находились, является само социалистическое государство, и только оно. Но в таком случае на каком все-таки праве государственное имущество закрепляется за госпредприятиями и как быть с внешним совпадением характеристики права собственности, данной в ст. 58 ГК, и прав треста на выделенное ему имущество, которая обозначена в ст. 5 Положения о трестах? На эти вопросы А. В. Венедиктов и стремился дать ответ в работах, опубликованных в

предвоенные годы, в капитальной монографии «Государственная социалистическая собственность», а также в последующих трудах²⁶.

Ученый пришел к выводу, что триада – правомочия владения, пользования и распоряжения – не выражает ни существа, ни всего объема права собственности, а потому закрепление указанных правомочий за трестом (госпредприятием) вовсе не означает признания треста собственником выделенного ему имущества. Правомочия владения, пользования и распоряжения выступают лишь как средство (способ) осуществления права собственности, но могут быть средством осуществления и иного права, что и имеет место при закреплении имущества за трестом (госпредприятием). Последний наделяется триадой правомочий, но собственником государственного имущества не становится. В связи с этим возникает вопрос: средством осуществления какого права выступает триада правомочий, будучи закреплена за трестом? Для обозначения указанного права ученый предложил использовать категорию оперативного управления, под которым понимал всю совокупность функций, прав и обязанностей социалистического хозоргана, необходимых и достаточных для выполнения стоящих перед ним задач. При этом он настойчиво предостерегал против отождествления оперативного управления с управлением как чисто организующей деятельностью государства и его органов, обращал внимание на то, что, в отличие от управления, которое получает административно-правовое оформление, оперативное управление юридически опосредуется преимущественно актами гражданского и трудового права. Здесь нет необходимости вдаваться в спор, какое содержание вкладывал А. В. Венедиктов в категорию «оперативное управление». Важно подчеркнуть, что с предвоенных лет и до конца жизни он последовательно проводил тезис о неделимости права государственной собственности и ни в каком качестве не признавал социалистический хозорган собственником закрепленного за ним имущества. Концепция А. В. Венедиктова с известными модификациями воплощена в Основах гражданского законодательства, принятых в их развитие ГК союзных республик, а также многих других нормативных актах.

Нельзя, однако, сказать, что она единодушно признана. Не говоря уже о том, что категорию оперативного управления да и право оперативного управления трактуют далеко не одинаково, в последние годы предпринимаются настойчивые попытки подвергнуть ревизии основные положения концепции А. В. Венедиктова о праве государственной собственности или во всяком случае ограничить сферу ее применения. Вначале И. А. Грингольц, а затем В. А. Дозорцев, В. П. Мозолин, А. А. Рубанов, Л. С. Явич и ряд других ученых стремятся доказать, что концепция А. В. Венедиктова отжила свой срок, что время ее вышло²⁷. Основной аргумент, который выдвигают ее противники, сводится к тому, что она сложилась в условиях командной экономики, когда права предприятий были более чем куцыми, а хозрасчет носил формальный характер. Ныне же, когда ставится задача перевести управление экономикой на подлинно хозрасчетные начала, наделить госпредприятия и объединения всей полнотой прав, необходимых и достаточных для выполнения стоящих перед ними задач, эта концепция не только не работает, но и становится тормозом на пути расширения самостоятельности, инициативы и ответственности предприятий. Категория оперативного управления подлежит сдаче в архив, а на смену ей должны прийти юридические конструкции, которые были бы адекватны современным условиям хозяйствования, способствовали бы перестройке хозяйственного механизма, переводу экономики на рельсы интенсификации.

Чтобы разобраться в том, насколько обоснована прозвучавшая в адрес концепции А. В. Венедиктова критика, придется совершить небольшой экскурс в общее учение о собственности и праве собственности. Отправляясь от извлеченных из него теоретических положений, мы сможем подвергнуть критической проверке сложившиеся в науке и отраженные в законодательстве представления о праве государственной социалистической собственности.

Собственность покоится на различии моего и твоего. Именно это составляет субстанцию и целеполагание собственности. Возможно ли такое различие применительно к госу-

дарственной социалистической собственности, субъектом которой признается весь народ, и не означает ли возведение народа в степень такого субъекта выхолащивание из собственности ее сущности, размывание самого понятия «собственность». Если собственность принадлежит всем, то она не принадлежит никому. Не в этом ли одна из причин известной деформации отношений собственности в социалистическом обществе. «Ничейность» собственности влечет ее незащищенность, наплевательское отношение к ней, стремление урвать из нее кусок вопреки основным принципам социализма. Но это только одна сторона дела. Другой аспект метаморфозы, которым отношения собственности подверглись в социалистическом обществе, состоит в том, что люди научились неплохо присваивать (обращать в свою собственность) материальные блага в размерах, намного превышающих их разумные потребности, даже и не владея фабриками и заводами, не будучи держателями контрольного пакета акций или обладателями доходных ранчо. Для этого используются самые различные способы, среди которых и такой, как принадлежность к аппарату управления. В числе других она обеспечивает возможность присвоения материальных благ, которое далеко не всегда соразмерно количеству и качеству отданного обществу труда, а зачастую и вовсе не сопровождается социально полезной отдачей. Таким образом, различие моего и твоего применительно к государственной собственности, да и к иным формам социалистической собственности выступает иногда в проявлениях, искажающих основные принципы социализма. Из недр общества выделяется бюрократический слой, который, используя свою принадлежность к аппарату, стремится сосредоточить в своих руках собственность и власть, получить доступ к общественному достоянию и распоряжаться им по своему усмотрению.

Тот же слой распространяет миф о всесии государственной собственности, о том, что она все может, ей все нипочем²⁸. В чем гносеологические корни этого мифа? Дело не только в том, что, благоденствуя за счет государственной собственности, указанный слой субъективно заинтересован в незыблемости существующих порядков, но и в том, что, будучи воспитан в течение десятилетий в условиях командной экономики, когда план нужно выполнять любой ценой, он действительно слепо верит в их незыблемость, не представляет себе, что их можно и нужно модифицировать. Между тем все более очевидно, что государственная собственность должна отстаивать свое право на существование в честном экономическом соревновании с иными видами и формами собственности (в первую очередь кооперативной), функционирующими в социалистическом обществе. А вот это положение многие кадры, которые привыкли действовать по команде сверху, не проявляя ни творческой инициативы, ни хозяйской сметки, не говоря уже о социалистической предприимчивости, не только не хотят, но и не могут переварить. Миф о всесии государственной социалистической собственности необходимо преодолеть и в теоретических воззрениях на нее, как политико-экономических, так и правовых.

В учении о государственной собственности должен быть также изменен подход к обособлению ее общенародного характера. Исторический опыт доказывает, что национализация средств производства и ведение хозяйства на плановых началах сами по себе еще не обеспечивают общенародности государственной собственности. Мало провозгласить, что государственная собственность является общенародным достоянием, необходимо обеспечить ее общенародность на деле. Общенародность государственной собственности отнюдь не срабатывает автоматически. За нее нужно бороться. В тех случаях, когда проводится экономическая и социальная политика, соответствующая назревшим потребностям общественного развития, общенародность государственной собственности нарастает. Но если в политике допускаются просчеты, а то и прямые искажения основных принципов социализма, как это имело место, например, в растянувшийся на годы период застойных явлений, общенародность государственной собственности переживает своего рода аритмию.

Вернемся теперь к критическим замечаниям, выдвинутым в адрес концепции А. В. Венедиктова, а также к оценке воззрений, ей противопоставленных.

А. А. Рубанов условно подразделил все существовавшие в истории модели права собственности на три: элементарную, разделенной собственности и модель, которая покоится на отпочковании от права собственности права управления. К последней он относит, в частности, модель, предложенную А. В. Венедиктовым. Отвергнув эту модель, А. А. Рубанов, по существу, не предложил ничего взамен, поскольку для раскрытия содержания отношения «государство – государственное предприятие» он не считает возможным использовать ни элементарную модель, для которой характерно дублирование триады, ни принципиально неприемлемую для советского гражданского права модель разделенного права собственности. По каким же основаниям А. А. Рубанов отвергает модель А. В. Венедиктова? Если мы правильно усвоили замечания А. А. Рубанова, то главным образом по двум. Во-первых, вследствие того, что понятие управления в конструкции А. В. Венедиктова условно, и, во-вторых, потому, что управление имуществом предприятия (в смысле направленного воздействия) осуществляется не только данным предприятием²⁹. Начнем со второго замечания, которое покоится на недоразумении. А. В. Венедиктов никогда не утверждал, будто имуществом предприятия в смысле направленного воздействия на него управляет только само предприятие. Напротив, он настойчиво подчеркивал, что «управление государственной социалистической собственностью осуществляется социалистическими госорганами либо в порядке *общего руководства...* либо в порядке *непосредственного планирования и регулирования* определенного круга предприятий... либо в порядке *непосредственного оперативного управления...*»³⁰. К госпредприятиям было приурочено не управление государственным имуществом вообще, а лишь непосредственное оперативное управление, охватывающее не только организацию, но и самое осуществление процесса расширенного социалистического воспроизводства. Таким образом, управление имуществом госпредприятий А. В. Венедиктов, вопреки мнению А. А. Рубанова, отнюдь не замыкал только на самих предприятиях. Вначале А. А. Рубанов приписал Венедиктову взгляд, будто государство не осуществляет управление государственным имуществом и такое управление замыкается исключительно на самом предприятии, а затем, придя к никем не оспариваемому выводу о том, что управление имуществом предприятия осуществляется не только данным предприятием, на этом основании признал модель Венедиктова не соответствующей тем отношениям, которые складываются при осуществлении права государственной социалистической собственности. Ход рассуждений более чем шаткий.

Что же касается ссылки на условность понятия управления в конструкции А. В. Венедиктова, то и она лишена приписываемой ей доказательной силы. В известной мере условный характер носит значительная часть применяемой в юридической науке и законодательстве терминологии. Разве не условно, скажем, понятие «юридическое лицо», которое почему-то прилагается к организациям, но не к индивидам, хотя последние, будучи субъектами права, в этом качестве также являются не только физическими, но и юридическими лицами. А разве не условно применение термина «сделка» не только к соглашениям сторон, но и к односторонним юридическим действиям. А разве не условно понятие «односторонний договор», хотя в каждом договоре должно быть не менее двух сторон. Никому, однако, на этом основании не приходит в голову расшатывать сложившуюся юридическую терминологию и вымучивать новые термины взамен тех, которые давным-давно устоялись. Считается куда более оправданным (и это правильно) идти по пути раскрытия содержания устоявшейся юридической терминологии, нежели по пути ее ломки и изобретения новых терминов, обладающих более чем сомнительными преимуществами. То же можно сказать и о понятии оперативного управления. Конечно, оно условно. Нельзя, однако, не считаться с тем, что почти за тридцатилетний срок его легализации к нему привыкли. Всякому мало-мальски образованному юристу ясно, что, когда в нормативном акте или акте применения права речь идет о выделении имущества той или иной организации «в оперативное управление», о закреплении за нею имущества «на праве оперативного управления», указанная организация признается юридическим лицом со всеми выте-

кающими из этого последствиями, хотя бы прямо она и не называлась таковым. По-видимому, с этим нельзя не считаться, особенно тем, кто, отринув с порога модель А. В. Венедиктова, не предлагает взамен никакой другой.

Большого внимания заслуживает критика концепции А. В. Венедиктова, выдвинутая В. П. Мозолиным³¹. Автор, не ограничиваясь критическими замечаниями, выдвигает в противовес ей концепцию хозрасчетной собственности. Как и А. А. Рубанов, он считает, что теория Венедиктова, покоящаяся на выделении из собственности оперативного управления, отжила свой век. Наряду с правом общегосударственной собственности, субъектом которого является государство в лице высших органов государственной власти и управления, В. П. Мозолин склонен взять на вооружение право хозрасчетной собственности. В качестве субъектов последнего выступают государственные объединения и предприятия, наделенные статусом юридического лица. Пытаясь отмежеваться от многочисленных разновидностей теории разделенной собственности, автор подчеркивает, что в его представлении право государственной (общенародной) собственности есть право соединенной, а не разделенной собственности.

Главным в системе отношений, основанных на государственной собственности, В. П. Мозолин, как и А. А. Рубанов, признает отношение между государством и государственными объединениями (предприятиями). Но если А. А. Рубанов безоговорочно квалифицирует это отношение как административно-правовое, то В. П. Мозолин вопрос о его юридической природе оставляет открытым. Из одних высказываний автора напрашивается вывод, что он тяготеет к признанию указанного отношения гражданско-правовым, а из других – административно-правовым. Интереснее, однако, другое. Чем именно не устраивает В. П. Мозолина категория оперативного управления и в чем он усматривает преимущества отстаиваемой им концепции хозрасчетной собственности?

Наделение объединений и предприятий правом оперативного управления имуществом, к тому же определяемым по усмотрению государства, диссонирует с реальными экономическими процессами, происходящими в сфере общественного производства. В концепции Венедиктова все отношения между государством, с одной стороны, и госпредприятиями – с другой, становятся объектом административно-правового регулирования. Отношения же собственности приобретают односторонне-властный характер. С экономической точки зрения госпредприятия не являются органами государства. Нельзя превращать имущество госпредприятий и объединений в простой объект оперативного управления. При трактовке предприятия как хозоргана государства само государство становится базисной категорией, что вряд ли правильно.

В социальном плане признание государства единственным юридическим собственником всего общенародного имущества резко сужает общественную базу собственности при социализме, фактически отделяет гражданина от общенародной собственности, участником которой он является, и вступает в противоречие с процессом демократизации общества, углублением социалистического самоуправления народа. При переходе на широкое использование экономических методов в области управления народным хозяйством имущественные интересы госпредприятий и объединений могут обеспечиваться путем предоставления им субъективных прав, имеющих первичный характер и основанных на принципах дозволения совершать любые действия, не запрещенные законом. Между тем право оперативного управления «трудно отнести к категории субъективных гражданских вещных прав». По отношению к государственной собственности право оперативного управления носит вторичный, полностью зависимый характер, что резко ограничивает возможности юридического обеспечения его необходимыми гарантиями. С юридической точки зрения, концепция права государственной собственности, сопряженная с правом оперативного управления, базируется на упрощенной одноструктурной модели права собственности, разработанной в свое время римскими юристами для удовлетворения потребностей индивидуальных собственников: у одной вещи должен быть только один

собственник. Таковы основные стрелы, выпущенные автором по концепции А. В. Венедиктова. Посмотрим, насколько они смертельны.

Заметим прежде всего, что римскими юристами была разработана не только одно-, но и сложноструктурная модель права собственности, причем как по горизонтали, так и по вертикали. Несомненно, однако, что вертикальная многоструктурная модель права собственности обязана своим развитием и воплощением прежде всего средневековой, поскольку она была адекватна иерархической структуре самого феодального общества. Далее. Мы не усматриваем прямой связи между признанием госпредприятия органом государства и концепцией права оперативного управления, равно как и между указанной концепцией, с одной стороны, и трактовкой государства как только надстроечной или также и базисной категории – с другой. Кстати, последний вопрос в трудах Венедиктова вообще не затрагивался. Что же касается того, является ли госпредприятие органом государства, то спор во многом носит терминологический характер. Рассматривая госпредприятие (хозорган) как орган государства, Венедиктов считал необходимым подчеркнуть, что госпредприятие выступает не только как юридическое лицо, но и – во взаимоотношениях с вышестоящими органами и нижестоящими звеньями (цехом, бригадой, а теперь и структурными единицами) – как носитель административной правосубъектности. Именно в этих пределах – как носителя административной правосубъектности – Венедиктов и трактовал госпредприятие как орган государства. Жесткой связи между такой трактовкой и тем содержанием, которое вкладывал Венедиктов в категорию оперативного управления, опять же не просматривается. Трудно понять утверждение В. П. Мозолина о том, что нельзя превращать имущество госпредприятий и объединений в простой объект оперативного управления. Не перекликается ли этот тезис с упреком А. А. Рубанова, будто концепция Венедиктова ведет к устранению самого государства от управления государственным имуществом? Если так, то выше уже показана неосновательность этого упрека. Непонятно и утверждение о первичном характере того права, на котором государственное имущество должно закрепляться за госпредприятиями и объединениями. Как бы терминологически ни обозначать его, оно носит, и в условиях планового ведения хозяйства всегда будет носить, производный от права общегосударственной, по выражению В. П. Мозолина, собственности характер. Наконец, весьма красноречиво признание, что право оперативного управления трудно отнести к категории субъективных гражданских вещных прав. Тем самым автор, хотя и с запозданием, признал, что трактовка права оперативного управления как субъективного гражданского вещного права, которую он ранее отстаивал, относится не столько к праву оперативного управления, сколько к тому, каким он хотел бы видеть это право при его ином терминологическом обозначении³².

Пожалуй, наибольшего внимания заслуживает упрек в том, что в социальном плане признание государства единственным юридическим собственником всего общенародного имущества резко сужает общественную базу собственности при социализме, фактически отделяет гражданина от общенародной собственности, участником которой он является, и вступает в противоречие с процессом демократизации общества, углублением самоуправления народа. Мы не разделяем этого упрека и, более того, считаем неприемлемым путь, на который предлагает вступить В. П. Мозолин. Если даже сейчас, вопреки признанию государства единственным собственником всего государственного имущества, развелось предостаточно больших и малых несунув, стремящихся поживиться за счет общенародного достояния, урвать из него кусок в нарушение основных принципов социализма, то не будет ли воспринято дробление государственной собственности между трудовыми коллективами и отдельными индивидами, признание их своего рода сособственниками как легализация ее дальнейшего растаскивания? В результате «ничейность» государственной собственности не только не будет устранена, а даст еще более глубокие метастазы. Вот почему к рекомендациям В. П. Мозолина, направленным

на сужение позиций государства как собственника общенародного достояния, нужно отнестись с предельной осторожностью.

Какими же преимуществами по сравнению с концепцией А. В. Венедиктова обладает, по мнению В. П. Мозолина, предложенная им сложноструктурная модель права государственной собственности?

При определении содержания права общегосударственной собственности изначальные позиции занимает право хозрасчетной собственности. По мере расширения хозяйственной самостоятельности государственных объединений и предприятий объем правомочий государства как собственника должен сокращаться, и соответственно его доля в общем балансе правомочий будет падать. Юридические правомочия собственника (владение, пользование и распоряжение), закрепленные в законе, подходят лишь для раскрытия содержания права хозрасчетной собственности. В праве общегосударственной собственности основным служит правомочие административно-организационного характера, причем оно охватывает только такие действия государства, которые прямо указаны в законе. Право же хозрасчетной собственности должно покоиться на принципе дозволения: объединения и предприятия в отношении принадлежащего им имущества вправе совершать любые действия, не запрещенные законом. Право хозрасчетной собственности, в отличие от права оперативного управления, является, во-первых, субъективным правом; во-вторых, наиболее полным имущественным правом; в-третьих, первоначальным правом, непосредственно связанным с условиями хозяйствования субъектов, и, в-четвертых, основанным на действии принципа дозволения.

Что можно сказать по поводу модели В. П. Мозолина? Прежде всего, она весьма близка воззрениям на соотношение права собственности государства с правами треста на закрепленное за ним имущество, которые А. В. Венедиктов отстаивал в 1928 г. По этой концепции собственником государственного имущества признавались и государство, и трест, но лишь в разных областях отношений: товарной и нетоварной. Таким образом, в новейшей на первый взгляд концепции «старина нам слышится». Различие состоит в том, что если в концепции А. В. Венедиктова отношение между государством и трестом было лишь организационно-техническим, а не правовым, то В. П. Мозолин, признавая его центральным в системе отношений, основанных на государственной собственности, не сомневается в его юридической природе. Утверждение В. П. Мозолина об изначальных позициях, занимаемых якобы правом хозрасчетной собственности, более чем сомнительно и должно быть отнесено к числу иллюзорных. «Изначальные» позиции в условиях централизованного ведения хозяйства на плановых началах это право, как бы ни обозначать его, не занимает и занимать не будет. Косвенно то же признает и В. П. Мозолин, когда констатирует, что в праве общегосударственной собственности, носителем которого выступает само государство, основным является правомочие административно-организационного характера. Но тем самым гражданско-правовые правомочия, составляющие содержание права хозрасчетной собственности, признаются производными от указанного правомочия, вторичными по отношению к нему.

Трактовка же права хозрасчетной собственности как субъективного и наиболее полного имущественного права, покоящегося на принципе дозволения, вполне приложима и к праву оперативного управления. Автор не учитывает, что дело не в категории оперативного управления как таковой, а в том, какое социально-экономическое и политико-правовое содержание в нее влито. А это уже зависит от стоящих на данном этапе хозяйственного строительства задач и от того, насколько правильно они поняты. Ведь и право собственности можно обставить такими ограничениями, что от него немного останется, как было в недавнем прошлом с правом личной собственности или правом собственности колхозов.

Статья В. П. Мозолина с выдвижением концепции хозрасчетной собственности появилась в период подготовки проекта Закона о государственном предприятии (объединении). В проекте Закона, опубликованном для обсуждения, говорилось: «Материально-техническую

базу и средства предприятия, то есть имущество, находящееся в его управлении, составляют основные фонды и оборотные средства, а также иные финансовые ресурсы». В этой формулировке отсутствует указание как на оперативное управление, так и на триаду – владение, пользование и распоряжение, с помощью которой в Основах гражданского законодательства и иных нормативных актах содержание оперативного управления раскрывается и конкретизируется. Формулировка проекта вызвала критические замечания. В частности, В. В. Лаптев и З. М. Заменгоф подчеркивали: «Вряд ли оправдано, что в проекте отсутствует общая характеристика прав предприятий на его (нужно: их. – Ю. Т.) имущество. Сейчас она содержится во всех действующих положениях о предприятиях и объединениях и очерчивает их общие юридические возможности в отношении своего имущества... в законе следует воспроизвести выработанное наукой и нормотворческой практикой и оправдавшее себя понятие права оперативного управления как юридической формы имущественной самостоятельности предприятий». Авторы предложили включить в закон следующую формулировку: «Материально-техническую базу и средства предприятий составляют основные фонды и оборотные средства, а также иные материальные ценности и финансовые ресурсы (имущество предприятия). Имущество находится в оперативном управлении предприятия, осуществляющего права владения, пользования и распоряжения им»³³. С позицией В. В. Лаптева и З. М. Заменгоф надлежит полностью согласиться. Как же решен этот вопрос в Законе о государственном предприятии (объединении)? В абзаце первом п. 1 ст. 4 Закона говорится: «Материально-техническую базу и средства предприятия, то есть его имущество, составляют основные фонды и оборотные средства, а также иные материальные ценности и финансовые ресурсы. Предприятие осуществляет права владения, пользования и распоряжения этим имуществом»³⁴. Тем самым Закон о государственном предприятии (объединении), принятый 30 июня 1987 г. и введенный в действие с 1 января 1988 г., очерчивая права предприятий на выделенное им имущество, спустя шестьдесят лет вернулся, по существу, к той же формулировке, которая была закреплена в Положении о государственных промышленных трестах, принятом 29 июня 1927 г. Все возвратилось на круги своя. Как же следует толковать эту формулировку? Означает ли отсутствие в ней указания на оперативное управление, что концепция права государственной социалистической собственности с отпочковавшимся от него правом оперативного управления сдана в архив и должна рассматриваться как пройденный этап в развитии законодательства? Едва ли столь прямолинейный подход к решению этого вопроса оправдан. Прежде всего не следует забывать о существовании ст. 26¹ Основ гражданского законодательства, введенной Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 октября 1981 г.³⁵ Закрепляя за социалистическими организациями, которые не становятся собственниками выделенного им имущества, – государственными, межколхозными и иными – права владения, пользования и распоряжения имуществом, ст. 26¹ Основ подчеркивает, что это имущество состоит в их оперативном управлении. Действие ст. 26¹ Основ распространяется на все государственные юридические лица, безотносительно к тому, являются ли они учреждениями или предприятиями (объединениями). Было бы неверно полагать, что с введением в действие Закона о государственном предприятии (объединении) для предприятий (объединений) установлена одна юридическая квалификация прав на закрепленное за ними имущество, а для всех остальных государственных юридических лиц – иная. Такая квалификация должна быть в принципе одинаковой, что не только не исключает, а прямо предполагает наполнение конкретным содержанием предоставленных предприятиям, объединениям, учреждениям и иным организациям прав по владению, пользованию и распоряжению имуществом, а следовательно, и права оперативного управления в зависимости от стоящих перед указанными организациями задач. Отнюдь не случайно, что Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 декабря 1987 г. никаких изменений в ст. 26¹ Основ внесено не было³⁶.

Уже в период интенсивной подготовки проекта Закона о государственном предприятии (объединении) утверждается Положение о всесоюзной хозрасчетной внешнеторговой организации (объединении) министерства, ведомства, в котором говорится о закреплении государственного имущества в оперативном управлении или пользовании объединения (см. п. 3). Напротив, в утвержденном тогда же Типовом положении о хозрасчетной внешнеторговой фирме об оперативном управлении не сказано ни слова. И это понятно, ибо внешнеторговая фирма, в отличие от внешнеторговой организации (объединения), не является юридическим лицом, внешнеторговые сделки она заключает по поручению объединения и от его имени (см. ч. 2 п. 1 и п. 6 Типового положения)³⁷. Приведенный пример свидетельствует о том, что законодатель вовсе не собирается сдавать в архив категорию оперативного управления.

В Законе о государственном предприятии (объединении) неоднократно подчеркивается, что трудовой коллектив использует как хозяин общенародную собственность, что предприятие обладает обособленной частью общенародной собственности, что самоуправление трудового коллектива создает глубокую личную заинтересованность каждого работника в хозяйском использовании общенародной собственности, что трудовой коллектив, являясь полноправным хозяином на предприятии, самостоятельно решает все вопросы производственного и социального развития (см. абзацы первый и третий п. 2 ст. 1; абзац шестой п. 3 ст. 1; п. 3 ст. 2 Закона о государственном предприятии). Означает ли это признание предприятия (или его трудового коллектива?) собственником (хозрасчетным собственником?) выделенного ему государственного имущества? Полагаем, что не означает. Речь идет просто-напросто о рачительном использовании общенародной собственности, подлинно хозяйском отношении к ней, и ни о чем другом. Таким образом, не нужно выискивать в формулировках Закона, рассчитанных на многомиллионные массы, некий сокровенный смысл, которого на самом деле в них нет. Обратим внимание и на то, что ни в одной из этих формулировок трудовой коллектив (предприятие) ни прямо, ни косвенно не называется собственником. Напротив, подчеркивается, что речь идет о хозяйском использовании *общенародной* собственности, о создании и приумножении *народного* богатства, об обладании обособленной частью *общенародной* собственности. Из этого может быть сделан вывод, что единым собственником государственного имущества по-прежнему признается весь народ и что обособленная часть этого имущества не становится собственностью государственного предприятия – ни хозрасчетной, ни товарной, ни оперативной³⁸, ни какой другой. В то же время предприятие осуществляет права владения, пользования и распоряжения указанным имуществом, причем должно осуществлять их – и здесь мы согласны с В. П. Мозолиным – на началах дозволения. В настоящее время принцип дозволения, на котором должно покоиться осуществление триады правомочий, закреплён в Законе о государственном предприятии (объединении). В интересах осуществления задач и полномочий, установленных Законом, предприятие вправе по собственной инициативе принимать все решения, если они не противоречат действующему законодательству. Этот общий правовой принцип несомненно приложим к деятельности предприятия по осуществлению прав по владению, пользованию и распоряжению выделенной ему обособленной частью общенародной собственности.

Уже после того, как настоящая статья была подготовлена, довелось ознакомиться с выступлением А. Г. Быкова и Е. А. Суханова о формах реализации права государственной социалистической собственности. Ряд положений авторов мы разделяем. В частности, импонирует то, что авторы, по-видимому, не склонны отказаться от признания Советского государства единственным собственником всего государственного имущества и вытекающего из этого единства фонда государственной социалистической собственности. В принципе следует согласиться и с тезисом о многообразии форм реализации права государственной социалистической собственности. Многое, однако, вызывает сомнения. Авторы намечают несколько форм реализации права государственной собственности: а) право хозрасчетного распоряжения (исполь-

зования) имуществом – применительно к полномочиям предприятий и объединений; б) право оперативного управления – применительно к полномочиям органов управления; в) право оперативного пользования – применительно к полномочиям госбюджетных организаций; г) право владения – применительно к характеристике полномочий государственных организаций (как хозрасчетных, так и бюджетных) в отношении объектов исключительной собственности государства и в некоторых других случаях (например, при аренде); д) право держания – применительно к полномочиям организаций, созданных на базе различных форм собственности с подразделением держания на хозрасчетное при создании организации на базе смешанной социалистической собственности и коммерческое при создании организации с иностранным участием, в том числе частнокапиталистическим³⁹. Что можно сказать по поводу этих взглядов? Прежде всего, нельзя согласиться с тем, что полномочия организаций, выступающих в качестве юридических лиц – предприятий и объединений; госбюджетных организаций; банков именуются по-разному, а потому оказались в различных классификационных рубриках. Одно из решающих достоинств закрепленной ныне в законе категории оперативного управления и состоит в том, что она позволяет объединить имущественные полномочия всех социалистических организаций, которые не становятся собственниками выделенного им имущества и вместе с тем признаются юридическими лицами, под общим наименованием. Отправляясь от последнего, указанные полномочия можно конкретизировать применительно к каждому виду юридических лиц. Терминологическая пестрота, которой страдает конструкция А. Г. Быкова и Е. А. Суханова, не способствовала бы ясности ни в правотворчестве, ни в правоприменении. По поводу этого недостатка можно повторить то, что в другой работе⁴⁰ сказано об одном из вариантов концепции В. П. Мозолина. Нельзя поддержать авторов и в том, что наиболее целесообразна передача предприятию имущества для хозрасчетного распоряжения (использования) по договору между предприятием (с участием трудового коллектива) и вышестоящим органом хозяйственного руководства (см. с. 27–28). В другом месте сами авторы подчеркивают, что право хозрасчетного распоряжения должно основываться на принципе демократического централизма и что в связке полномочий по владению, пользованию и распоряжению государственным имуществом, закрепленных за предприятием, и права по распоряжению этим имуществом (в частности, произведенной продукцией), принадлежащего государству в лице его плановых органов, именно последнее есть «основное полномочие» (см. с. 26–27). Поэтому если договор и был бы заключен, то в нем доминировали бы полномочия административного характера, т. е. правовая оболочка не соответствовала бы подлинному содержанию, которое за ней скрывается, и в конечном счете была бы сброшена им.

Статья А. Г. Быкова и Е. А. Суханова вызывает целый ряд других сомнений и замечаний, которые мы предполагаем изложить в дальнейшем.

К ИЗУЧЕНИЮ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ ⁴¹

В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии со всей прямотой сказано, что в течение ряда лет проблемы в развитии страны нарастали быстрее, чем решались, в результате чего в жизни общества начали проступать застойные явления⁴². Эта оценка в полной мере может быть отнесена и к теоретической работе в области государства и права, в том числе и к исследованию кардинальных проблем права собственности в социалистическом обществе. В разработке методологических проблем права собственности, как и в решении конкретных вопросов, связанных с правовым регулированием в ходе социалистического строительства отношений собственности, преобладали нотки благодушия и самоуспокоенности. Морфологический подход к исследованию видов и форм собственности в социалистическом обществе явно доминировал над робкими попытками привлечь внимание к негативным тенденциям в их развитии. Многим из юристов, да и не только юристов, стало казаться, что утверждение социалистической собственности на средства производства в качестве основы экономической системы СССР само по себе обеспечивает поступательное развитие нашего общества в заданном направлении. Что же касается грубых извращений социально-экономической природы собственности в социалистическом обществе, участившихся случаев использования общественного достояния в целях наживы и обогащения, извлечения нетрудовых доходов из объектов как социалистической, так и личной собственности, то они оставались в тени. Исследователи своевременно не обнажили отмеченный на XXVII съезде партии факт, что вследствие ослабления контроля и ряда других причин обозначились группы людей с отчетливо выраженными собственническими устремлениями, с пренебрежительным отношением к общественным интересам. Отнюдь не случайно, что на съезде борьба с нетрудовыми доходами отнесена к важным функциям социалистического государства⁴³. Но к этому вопрос не сводится.

На XXVII съезде партии проблемы социалистической собственности рассмотрены сквозь призму самого широкого спектра отношений, включая дальнейшее углубление социалистического самоуправления в экономике, повышение роли трудовых коллективов в использовании общественной собственности, обеспечение безусловного приоритета общенародных интересов над интересами отраслей и регионов, создание надежного заслона любым попыткам извлечения нетрудовых доходов из общественного достояния, поддержка там, где есть потребность, формирования и развития кооперативных предприятий и организаций⁴⁴. Иными словами, речь идет о выработке системы согласованных эффективных мер, формирующих подлинно хозяйское, рачительное отношение к социалистической собственности. Пора покончить и с недооценкой личной собственности, в том числе и собственности лиц, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью, как одного из средств приращения общественного богатства. Эта недооценка, по-видимому, уходит своими корнями в предвзятое отношение к использованию стоимостных рычагов в ходе социалистического строительства.

Но если попытаться привести эти социальные срезы к одному знаменателю, то речь должна идти об активизации человеческого фактора, или, точнее, о направлении усилий этого фактора в нужное для общества русло.

Применительно к социалистической собственности негативные тенденции, особенно рельефно обозначившиеся в ее развитии за последние годы и до конца не преодоленные, сводятся к следующим.

Социалистическая собственность по самой своей сути призвана сплачивать людей во имя достижения общей цели. Если частная собственность разъединяет людей, противопоставляя каждого из них друг другу, то социалистическая объединяет их на началах коллекти-

визма, товарищества и взаимопомощи. Опыт социалистического строительства в нашей стране и зарубежных странах воочию демонстрирует образцы такого сплочения многих тысяч, а то и миллионов людей на базе общественной собственности ради выполнения широкомасштабных исторических задач. Именно так обстояло дело в период индустриализации нашей страны, перебазирования буквально под огнем врага промышленности на восток в Отечественную войну, восстановления разрушенного врагом хозяйства в послевоенный период, при освоении целинных и залежных земель. Так обстоит дело при освоении районов Сибири и Дальнего Востока в нынешнюю пору. Сплочение миллионов людей на базе общественной собственности оказывается особенно эффективным в экстремальных условиях, когда все силы нужно собрать в один кулак, а их распыление поистине может быть смерти подобно.

Жизнь, однако, показала, что на базе общественной собственности может происходить сплочение и совсем иного рода, идущее вразрез с интересами общества, грубо попирающее принцип социальной справедливости, вызывающее законное возмущение широких масс трудящихся. Речь идет о сплочении, а точнее, о сплотке людей, спаянных групповыми интересами, прочно присосавшихся к общественному пирогу и с помощью социальной демагогии, показухи, подхалимажа, угодничества, семейных связей, а то и путем хищений, взяточничества и других преступлений набивающих собственную мошну за счет общего достояния. Такое «сплочение», наносящее обществу ощутимый материальный и духовный урон, разлагающее души людей, подрывающее их веру в справедливость нашего строя, крайне опасно, а разорвать образовавшиеся на его базе социальные нити и связи чрезвычайно трудно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.